

Бил
6

Йордан Радичков

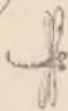

МЫ, ВОРОБЫШКИ

ПЕРЕВОД С БОЛГАРСКОГО Л. БЕСКОВОЙ И Н. СЛЕН

ХУДОЖНИК
МИХАИЛ
ФЕДОРОВ

ск/кн. Б.о. н.с. № 96 16316

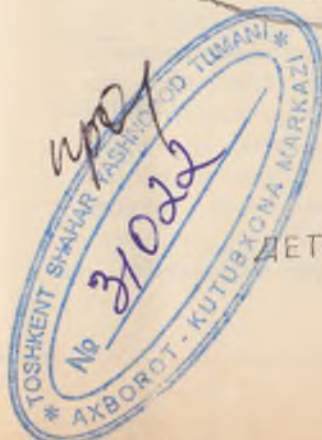
Йордан Радичков

16316 123052

н 2410

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА

ББК 84.4Бл
Р15

Йордан Радичков
НИЕ, ВРАБЧЕТАТА
Издательство Отечество София 1984

Радичков Й.

Р15 Мы, воробышки: Рассказы / Пер. с болг. Л. Бесковой и Н. Глен; Рис. М. Федорова. — М.: Дет. лит., 1988. — 127 с.: ил.

ISBN 5-08-000743-5

Сборник рассказов, главные герои которых — воробышки. Во взаимоотношениях птиц, в их заботах и чужих угадываются человеческие характеры.

Р $\frac{4803020000-233}{M101(03)-88}$ 473-88

ББК 84.4Бл

ISBN 5-08-000743-5

© Йордан Радичков, 1984
С/О JUSAUTOR, SOFIA

© Перевод на русский язык. Рисунки.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1988

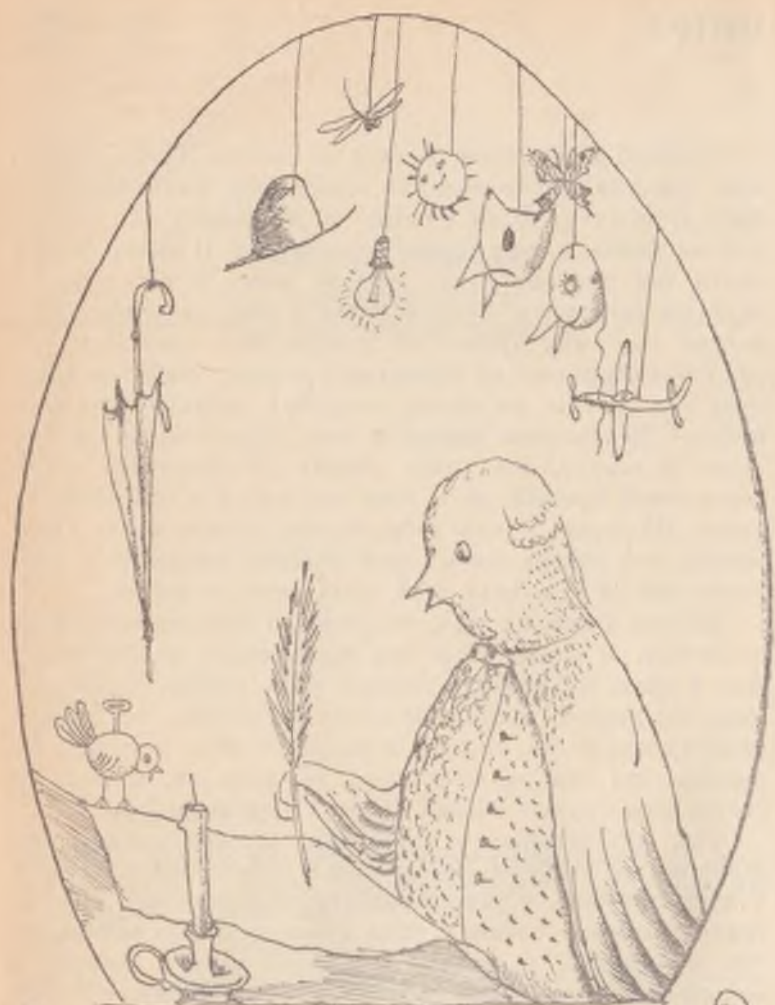
ЯЙЦО

Каждый появляется на свет по-своему. Трава, например, сначала высовывает из земли нос, вытягивает его кверху, да так с носом и остается; ни ушей у нее нет, ни пог, ни клюва, а один только зеленый нос. И дерево растет почти так же, оно лишь гораздо выше и все покрыто зеленым оперением. Осенью перья у него опадают, и оно, бедное, всю зиму дрожит от холода. Мы, воробышки, не раз советовали ему не сбрасывать перьев, чтобы не мерзнуть под снегом, но дереву попробуй втолкуй хоть что-нибудь! Дерево оно дерево и есть. Пусть хоть сто лет ходит в школу, все равно ничего не уразумеет своей деревянной башкой, да к тому же оно и в школу-то не ходит. Но дерево — наш добрый сосед, и если свить в нем гнездо, оно скроет его в своем зеленом оперении и убережет нас от недобрых глаз, злых детей и кошек.

Да, так я начал с того, что каждый появляется на свет по-своему. Я вот, прежде чем вылуниться, долгое время жил в яйце. Не приведи господь жить в яйце. Темно, ни окон, ни дверей, к тому же такая теснотища, что просто повернуться негде, сидишь в скорлупе день и ночь и не знаешь, что там на воле: день ли, ночь ли, солнце ли светит или хмурые облака хмуро ходят по небу?

Тот, кто побывал в заточении, хорошо поймет, что такое жажда свободы. Как только я почувствовал, что сил у меня прибыло, я решил разбить свою темницу. Попробовал клювом — стены у яйца крепкие, точно каменные. Что и говорить, не привык я к такой работе, впервые в жизни мне приходилось крушить стены тюрьмы, поэтому клюв у меня страшно разболелся, он болел даже во сне, когда я позволял себе вздремнуть, но я не отчаивался: подремлю немного и снова за работу. Так прошло три недели, и однажды утром, когда я стучал клювом в потолок своей тюрьмы, вдруг послышалось громкое «хрясь!» — и яйцо расколосось пополам.

А снаружи ярко светит солнышко, птички всякие в

ДЖИФФ

воздухе посятся, насекомые и те порхают,— милое дело! Озираюсь я вокруг и вижу, что рядом в гнезде лежат еще другие яйца, а из них доносится писк. Наклоняюсь к ближайшему яйцу и начинаю выстукивать клювом вроде как по азбуке морзе: тук... тук-тук. И воробей, что сидит внутри, тоже отвечает мне стуком и объясняет, что хочет на волю. Я усердно принимаюсь за дело, начинаю долбить изо всех сил. Воробей внутри, чувствуя, что идет помощь, приободряется и тоже долбит, так что и эта тюрьма превращается в развалины, а мы с братцем ликуем, стоя по колено в обломках.

Тем временем вокруг нас начали лопаться другие яйца, и из каждой темницы выходило по пушистому воробышку, да такому симпатичному — просто загляденье. Сидим мы в гнезде, радуемся, что наконец-то оказались на воле, и вдруг посреди всеобщего ликования слышим чей-то стон. Огляделись кругом и видим: один воробей голову наружу высунул, а шея у него застряла, и он никак не может выбраться из яйца... Знай вертит головой и попискивает: «Чир, чир!» Мы дружно взялись за дело и освободили этого воробышка, а он стал нас благодарить, потому что без нашей помощи едва ли сумел бы появиться на белый свет — тщедушный такой был воробышек. Мы единогласно решили назвать его Чиром.

Чир был очень странный воробей. В чем душа держится, а поди ж ты — отряхнулся, взобрался на край гнезда и сразу вознамерился лететь.

— Куда это ты вздумал лететь? — говорю я ему и стаскиваю его обратно в гнездо. — Чтобы воробью полететь, у него должен пух смениться, перья вырасти, крылья окрепнуть.

Чир было зауярился, но, когда я ударил его клювом по голове, умолк и сразу согласился. С тех пор я взял себе на заметку: если кто слов не понимает, то нужно стукнуть его разок по голове, и он гут же все поймет. Чир был как раз такой — человеческим языком ему говоришь, не понимает, а стукнешь по голове, он и понял. Не знаю, как у вас, у людей, а у нас так.

Яйца с треском лопались, и воробышки один за другим

выходили на белый свет. Гнездо наполнялось, любо-дорого было смотреть, как появлялись в нем новые воробьишки: тот поменьше, другой покрупнее, третий средней величины. Вот с оханием вывалился из скорлупы толстяк, и мы сразу окрестили его Толстоузиком. Всю свою жизнь Толстоузик занимался лишь тем, что ел, охал и толстел, и поэтому не удивляйтесь, что на следующих страницах мы не будем уделять ему особого внимания. Почти одновременно с ним выбрался на волю и самый маленький воробышек, величиной с запятую. Не стовариваясь, мы назвали его Запятушкой. Запятушка оказался очень дружелюбным воробьем, и куда бы мы ни отправлялись, мы всегда брали его с собой.

Когда все мы уже были на свободе и гнездо доверху наполнилось птенцами, мы увидели, что в нем осталось еще два целых яйца. Подошел я к одному из них и постучал легонько — вдруг кто-нибудь отзовется? — никакого ответа. Постучал еще, прислушался — снова ничего. Тогда я крикнул:

— Кто бы ты ни был, человек или зверь, отзовись!

Но никто, ни человек, ни зверь, не отозвался. Тут и другие воробышки тоже стали стучать по стенкам яйца, но яйцо по-прежнему молчало. Тогда мы догадались, что оно пустое — болтун. Там, где много яиц, одно непременно окажется пустым. Хорошо, что у людей не принято высиживать яйца, иначе и у них, того и гляди, мог бы получиться какой-нибудь болтун!

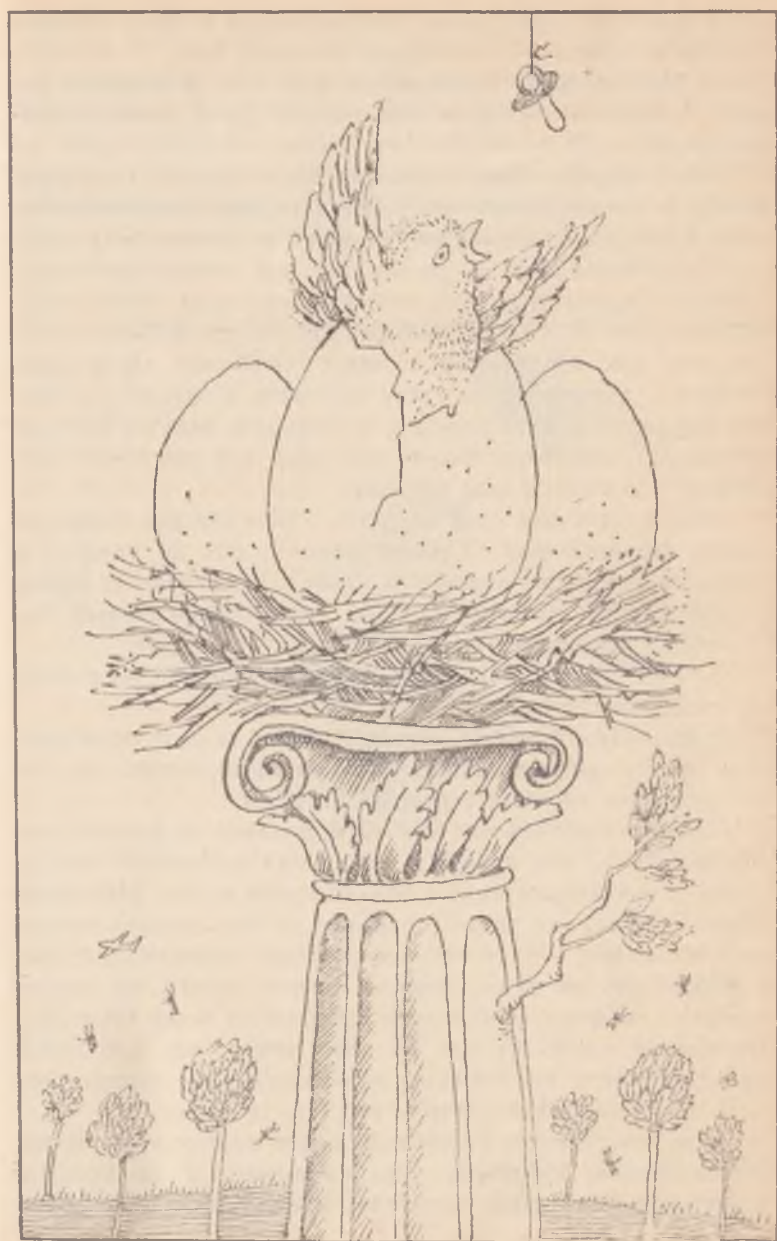
Второе яйцо тоже молчало, мы постучали по нему. И только стукнули, как внутри послышался страшно сердитый голос:

— Милостивый государь,— произнес сердитый голос,— нельзя ли потише?

С этими словами воробей, сидевший внутри, расколол яйцо и выбрался наружу, но до того кислый, что и смотреть на него было противно.

— А ну, подвинься, милостивый государь,— оттолкнул он одного воробья,— дай-ка мне взглянуть, что там внизу под гнездом делается!

— Послушай, ты что это толкаешься? — спрашивает

его воробей, а новенький, повернувшись к нему спиной и даже не глядя в его сторону, говорит:

— Милостивый государь, не для того я родился на свет, чтобы мне делали замечания! Да-с, милостивый государь!

Этого воробья мы прозвали Милостивый Государь. Я еще не раз вернусь к его особе, но сразу рассказать обо всех воробьях невозможно, поэтому я лучше буду описывать события одно за другим так, как они происходили, чтобы не пропустить чего-нибудь ненароком. Ведь и воробью может случиться иной раз что-нибудь забыть, точно так же, как это бывает с вами. Особенно когда есть хочется — тут уж все на свете забудешь. Поэтому, прежде чем продолжить свой рассказ, я, пожалуй, закушу вон той букашкой... Кажется, кто-то пожелал мне приятного аппетита? Спасибо, и вам того же!

Пока я укрощал свой аппетит, к нам как раз подоспел Лапки Вростопырку. Улыбающийся — рот до ушей — и необыкновенно дружелюбный Лапки Вростопырку сразу стал всеобщим любимцем. Один только Милостивый Государь не удержался от замечания:

— Раз уж он здесь, пусть остается, хорошо бы только он подобрал свои лапки!

Лапки Вростопырку, однако, никак не мог подобрать свои растопыренные лапки — как он ни поджимал их, они по-прежнему торчали в разные стороны.

Лишь после того как все мы появились на белый свет, мы заметили, что за нами все время наблюдало что-то такое, у чего были видны только глаза и нос. Мы стали гадать, что же это такое, но никто не мог сказать ничего определенного. Что-то такое всю жизнь сопровождало нас и наблюдало за нами. Нельзя назвать почти ни одного птичьего события, свидетелем которого не было бы и оно. Поскольку никто из нас не знал точно, что оно собой представляет и как именно оно зовется, мы посоветовались между собой и назвали его Что-то Такое.

Я думаю, Что-то Такое наблюдает не только за нами, воробышками. По-моему, оно наблюдает и за людьми, и я убежден, что пока читатель сидит, уткнувшись носом

в книгу, Что-то Такое заглядывает снаружи в окно и наблюдает за тем, как он читает. Однако если вы посмотрите в его сторону, оно мгновенно исчезнет, так что трудно даже сказать, было там что-нибудь или нет. Но как только вы снова начнете читать, вы почувствуете, как что-то заглядывает в окно и наблюдает за вами... Так вот, то, что наблюдает за вами, читатель, и что вы не можете увидеть (поскольку оно мгновенно исчезает), и есть Что-то Такое.

ПО СЛЕДАМ НАСЕКОМОГО

Пожили мы какое-то время в гнезде, и вот однажды родители говорят нам:

— Вот что, дети, пора вам самим учиться летать и добывать себе пищу.

Отец наш был человек строгий и лишних слов не тратил. Помню, в тот день он вернулся мрачнее тучи — кошка выдрала у него из хвоста два пера. Он опустился на край гнезда, посидел немного в задумчивости, два-три раза хмыкнул и принялся выбрасывать нас из гнезда.

До тех пор никто из нас еще не летал. Помнится, я здорово перепугался, в ужасе замахал крыльями и уцепился в первую же ветку. Долго билось у меня сердце, прежде чем я пришел в себя. А отец и думать не думал о том, что нам страшно, знай себе хватал птенцов одного за другим и выкидывал их из гнезда. Они пищали, махали крыльями, и, надо сказать, никто не разбился, хотя все попадали прямо на землю. Наконец пришла очередь Чира. Он уже давно проталкивался к отцу, чтобы тот его выкинул, но отец все не обращал на него внимания, а когда в конце концов заметил, то подхватил его клювом за шиворот и так метнул, что Чир полетел хвостом вперед. Продолжая двигаться хвостом вперед, он забил крылышками и благодаря этому удержался в воздухе.

Первый раз в жизни я видел воробья, который летел задним ходом. Да что там воробья, я вообще таких птиц не видел. Чир пролетел немного задним ходом, потом перекувырнулся, полетел головой вперед, как положено всякой птице, и наконец спустился на землю, присоединившись к остальным птенцам. В то время как я, раскрыв рот от удивления, наблюдал за Чиром, отец оказался вдруг рядом со мной, столкнул с ветки, и я камнем полетел вниз. Правда, я скоро пришел в себя, забил крыльями, уцепился за воздух и уже совсем свободно опустился на землю.

Тут сверху раздался голос Милостивого Государя (он препирался в гнезде с отцом):

— Не смей меня трогать, милостивый государь, еще не родился тот, кто будет учить меня летать! Не смей! Не смей!

Но отец и слушать его не стал, а просто вышвырнул из гнезда. И не успел Милостивый Государь шлепнуться на землю, как сразу же начал выговаривать ей: почему-де она такая жесткая. Оказывается, он умудрился упасть на камень!

— Милостивый государь,— нищал воробей, прыгая вокруг камня,— ты что, не мог подвинуться, ты же видел, что я лечу прямо на тебя!

Наконец отец и мать тоже спустились к нам. Отец все посмеивался, а потом этак молодцевато говорит:

— Ну, как дела, орлы?

А мы еще более молодцевато отвечаем:

— Отлично!

Но отец, видимо, не поверил, что так уж и отлично, потому что спросил вдруг, сильно ли бьются у нас сердечки, и мы ответили, что они колотятся так, будто хотят выпрыгнуть из груди.

— Сегодня, дети мои,— сказал отец,— вы научились летать, не обижайтесь на меня, если я был с вами немного строг, без строгости наука винок не идет!

Мама в свою очередь сказала, что если начнешь потакать своим слабостям, никогда не научишься летать и добывать себе пищу. Потом они вдвоем принялись объяснять нам, как добывать пищу, как ловить муравьев, как поймать летающее насекомое — в общем, стали учить нас всему, что должен знать воробей, если не хочет умереть с голоду. Наши родители наказали нам всегда находиться в движении и преследовать все, что движется вокруг нас,— тогда и есть мы будем досыта.

Ничто на этом свете не дается без труда. Не раз я слышал, как о ком-нибудь говорят: он, мол, живет, как птичка божья, ни тебе забот, ни огорчений, ни труда, летает себе целыми днями да чирикает. Сразу должен вам сказать, что это неправда. Еще не взошло солнце, а мы

уже принимаемся за дело, день-деньской в поте лица добываем себе пищу, а когда наступает весна, строим гнезда, растим детей, учим их летать и т. д. Должен признаться, что вечером, возвращаясь домой, я едва крыльями шевелю от усталости... Впрочем, я увлекся и забежал далеко вперед, а ведь я обещал рассказывать все, как было, по порядку.

Научив нас уму-разуму, родители улетели, а мы посидели-посидели и почувствовали, что хотим есть. Осмотрелись по сторонам — вокруг посятся всякие насекомые, бабочки порхают — и решили поохотиться на них. А если кто-нибудь увлечется и залетит слишком далеко, то сборным пунктом будет для нас дерево. Дерево видно отовсюду, и как бы далеко ты ни оказался, все равно увидишь его вершину, вон она возвышается над полем.

Мне ужасно понравилась одна бабочка. Она летела над полянкой так спокойно и невозмутимо, что я подумал: стоит мне кинуться за ней вдогонку, и она моя. Я подпрыгнул, помчался вслед за бабочкой и совсем уж было схватил ее, как вдруг она извернулась и полетела прямо вверх, словно была привязана ниткой, за которую кто-то потянул и выхватил добычу у меня из-под носа. Я набрал скорость и тоже взмыл вверх, но только я нагнал бабочку, как она внезапно метнулась влево и долго еще продолжала лететь влево. Я не могу сразу брать влево, для этого мне нужно развернуться, и только я стал разворачиваться, как бабочка полетела вправо. Но я не отступился от нее и тоже повернул вправо и опять остался с носом, поскольку негодница камнем ринулась вниз.

Сейчас могу признаться, что бабочка тогда выставила меня на посмешище, к тому же силы мои иссякли, но под конец я все-таки догнал ее и повалил на землю. Она была крыльями, но я наступил на нее и ударом клюва отсек ей голову.

Бабочка вздрогнула и затихла.

Если вам случится однажды преследовать какое-нибудь крылатое существо, подумайте как следует, прежде чем связываться с бабочкой. Это насекомое порхает без всяких правил, оно кидается то вверх, то вниз, то влево,

то вправо, можно подумать, что оно не в себе или не знает, в какую сторону ему лететь. Но так кажется только на первый взгляд, потому что бабочка отлично знает, чего она хочет, и делает свои виражи в воздухе, чтобы спастись от преследователей.

Как я уже сказал, бабочка сильно меня измотала, но зато в первый же день благодаря ей я научился планировать и делать быстрые виражи, быть ловким и вертким. Трудные уроки полезнее и важнее, чем легкие, — это я понял на собственном опыте. Легкий урок усваивается легко, но из него почти ничего не вынесешь. Чтобы усвоить трудный урок, нужно здорово попотеть, но зато польза от него — на всю жизнь.

Так вот, когда я оторвал бабочке голову, она вздрогнула и затихла. И тут с той стороны лужайки, где течет река, до меня донеслись крики: воробьи взлетают и тут же садятся, поднимая ужасный гвалт. Не взглянув больше на бабочку, я ринулся туда.

Подлетаю и застаю такую картину: наш Чир нырнул в реку, клювом ухватил рыбу за хвост и плывет под водой. Воробьи шумят, кричат ему, чтоб он выпустил рыбу и сейчас же выходил на берег, иначе он утонет, но Чир ничего под водой не слышит, держит рыбу за хвост и на воробьиные крики — ноль внимания.

Спрашиваю наших, давно ли Чир под водой, а они говорят:

— Да около часа.

— Целый час под водой! — кричу я. — Да он с ума сошел!

Прыгаю в воду, вытаскиваю Чира на сушу, он весь мокрый — хоть выжимай — и едва стоит на погах.

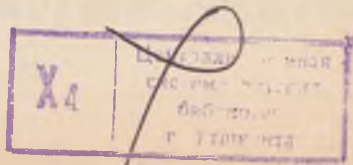
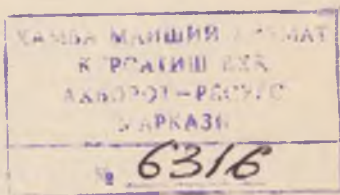
— Очумел ты, что ли, — спрашиваю, — целый час под водой торчишь с этой дурацкой рыбой?

— Почему это очумел? — не понимает Чир. — Нам же было сказано преследовать и хватать все, что движется и убегает. Эта рыба как раз и хотела убежать.

Я стал объяснять Чиру, что к чему, и другие тоже ему объясняли, но он никак не хотел понять. Тут я разозлился, стукнул его по голове, и он сразу все понял.

С тех пор я решил про себя, что всякий раз, как я стану что-нибудь объяснять Чиру, я для начала буду стучать его по голове, а потом уж пускаться в объяснения. Мы полетели с ним к тому месту, где лежала бабочка, я дал ему поест, и Чир все понял. Он съел всю бабочку, а мне достались одни крылья. Жевал я их, жевал, они у меня прямо поперек горла встали, но я успел проголодаться, поэтому все-таки съел их. Кстати, если когда-нибудь вам попадутся бабочкины крылья, не трудитесь зря. Более сухой пищи и вообразить себе невозможно.

12305-2

КУЦАЯ ФУФАЙКА

Мы по-прежнему жили на дереве, спали на его ветвях и там же прятались от дождя. Однажды мы отправились посмотреть, что поделывает наше гнездо, а заодно с ним и болтун. Гнездо было полно листвы, а что касается яйца, то муравьи высосали его через маленькую дырочку, — казалось, будто кто-то проткнул болтун иглой и вытянул все его содержимое. Муравьи — большие умельцы по части всяких тонких дел. Больше никому уже не пришло в голову возвращаться в гнездо.

Вот однажды сидели мы все вместе на дереве, чистили перышки, как вдруг вдалеке показался незнакомый воробей. Он едва держался за воздух, то и дело терял равновесие и чуть ли не падал на землю. Моросил мелкий дождик, скорее это был даже туман, а не дождь. «Кто это может быть?» — спрашивали мы друг друга, глядя, как незнакомец, подлетев к нам, из последних сил цепляется за ветку.

Мы сразу же окружили его и стали задавать ему вопросы, но он молчал, глядя на нас отсутствующим взглядом, и тяжело дышал. Видно было, что бедолага еле-еле долетел до нас, на нем не было даже никакой одежды, если не считать коротенькой фуфайки, до того уж истрепанной, что ее и фуфайкой-то трудно было назвать. Дали мы ему поесть, подождали, пока он отдохнет, и тогда, придя немного в себя, воробей в куцей фуфайке поведал нам свою историю.

Прилетел он из Китая, а звали его Ку Фу, что по-китайски означает Куцая Фуфайка.

Ку Фу жил вместе с другими воробьями возле одного рисового поля. Крестьяне обрабатывали поле, а воробьи истребляли насекомых, которые поедали рис, и так испокон веков жили по-добрососедски, бок о бок, птицы и люди. Но однажды воробьи услышали страшный шум. Крестьяне шли по полю, прихватив с собой жестянки, барабаны, трещотки, били в жестянки и в барабаны, дудели в дудки, свистели и кричали. Они подошли прямо

ΚΥ ΦΥ

к воробьям, а воробьи дрожат, и сердечки у них вот-вот выскочат от страха.

Слома голову помчались воробьи к соседнему рисовому полю и по дороге решили, что никогда больше не вернутся на старое место, пускай там разводятся вредные насекомые и поедают рис.

Вы, наверно, знаете, что воробей не может слишком долго находиться в воздухе. Вот пролетит он немного, и ему нужно спуститься на землю, походить пешком, а когда к нему вернутся силы, он может лететь снова.

Когда воробьи устали, они спустились на землю, чтобы немного походить и перевести дух, но и тут они увидели бегущих с жестянками и трещотками крестьян. Больше воробьям негде было приземлиться. Испугавшись, они полетели, держась все вместе. А Ку Фу прошмыгнул между ног одного крестьянина, забился под соломенную шляпу, которую кто-то обронил в суматохе, и там замер. Подождав, пока все стихло, он вылез из-под шляпы и отправился дальше уже пешком, осторожно пробираясь через рисовые поля. По дороге Ку Фу обнаружил, что вредные насекомые сразу же воспользовались отсутствием воробьев, вылезли из своих убежищ, наточили зубы и принялись наносить рису страшный урон.

Между тем Ку Фу решил пробираться на север, но двигался он только ночью, а днем скрывался на рисовых полях. Так он добрался до Великой Китайской стены, отдохнул немного, а потом где летом, где пешком одолел много километров и, наконец, оказался у нас.

«Ну и ну», — удивленно качали мы головами, а Чир вспорхнул с дерева и начал кружить около него на заднем ходу.

— У вас в Китае умеют летать задним ходом? — спросил он Ку Фу, и тот ответил, что все они летают только головой вперед. Тут Чир ему и говорит:

— Если б вы научились летать задним ходом, то все могло бы быть иначе.

— Да, — качает головой Ку Фу, — но где ж нам было знать, что это может пригодиться!

— Наперед будешь знать! — ответил Чир.

ШКОЛЬНЫЙ ЗВОНОК

Когда прозвенел школьный звонок и дети пошли в школу, мы перебрались на дерево в школьном дворе, чтобы, заглядывая оттуда в класс, выучить вместе с детьми кое-что из истории, кое-что из арифметики и, конечно же, буквы. Чир очень воодушевился и, позабыв обо всем на свете, слушал объяснения учителя, быстро усвоил из таблицы умножения, что дважды два — четыре, но больше учить ничего не захотел. Мы ему втолковываем, что нельзя жить, зная одну только таблицу умножения, а Чир и слушать ничего не хочет. Лишь стукнув его по затылку, мы заставили его запомнить, откуда вытекает река Дунай. Совсем другое дело, когда знаешь, откуда вытекает река Дунай. Может, именно сейчас тебе это и не нужно, но если вдруг понадобится, а ты не знаешь, что ты будешь делать? Станешь мяться, краснеть, а поделаться ничего не сможешь. Для такого вот случая и нужно знать, откуда вытекает река Дунай.

Так мы проучились несколько недель, заглядывая в класс через окно, и учеба наша продвигалась прекрасно. Но как-то раз дети выбежали на улицу, вооружились рогатками и начали обстреливать нас камнями. Как мы их не увещевали! Чего только не говорили! Милостивый Государь тоже взялся было их распекать, а им хоть бы хны — знай себе обстреливают. Оставаться на нашем дереве было уже невозможно, мы поднялись в воздух и полетели в городской парк, чтобы посоветоваться с другими воробьями.

Городской парк — место, где встречаются все воробьи нашего города и окрестностей. Там вы можете увидеть много мудрых воробьев, которые прошли через огонь, воду и медные трубы, можно встретить и очень старых, столетних воробьев, родившихся во время турецкого рабства. Летают они уже с трудом, но головы их набиты мудростью, и они могут дать вам любой совет. Вот мы и полетели в городской парк, рассказали обо всем старым воробь-

ям, а те посоветовали нам взять рогатки и отплатить детям той же монетой.

Так мы и сделали. На другой день мы подстерегли детей на углу. Они направлялись к нам, громко разговаривая и не подозревая об опасности, и как только показались из-за угла, мы начали обстреливать их из рогаток, а они бросились врассыпную. Разогнав детей, мы сразу же отправились в класс, расселись по партам и стали учиться. Учитель был очень нами доволен, до конца года никого из нас ни разу не наказал, и мы выучили все буквы. Единственным исключением был Чир, он запомнил только буквы своего имени и научился подписываться как печатными буквами, так и письменными.

В то время как мы учились в классе под уютное гудение печки, дети заняли наши прежние места на дереве и оттуда старались заглянуть в окно, чтобы хоть что-нибудь узнать. Ну, а на улице, конечно, снег, метели метут, дети держатся за ветки, и руки у них замерзают — вот они и дуют целыми днями на руки и всё никак не могут их согреть. Мы смотрели на них из класса, строили им рожи, а на переменах спрашивали, хорошо ли сидеть в такой холод на дереве и изучать науки через окно, а дети в ответ: «Чего уж тут хорошего, мы себе уши поотмораживали на этом холоде!» — «Так вам и надо, — отвечали мы, — будете в другой раз знать, как обстреливать воробьев из рогаток!»

Так мы проучились целый учебный год, и все стали отличниками, а дети, которые весь год проторчали на дереве, наполучали двоек, и все остались на второй год. Когда мы прощались, Чир спросил детей:

— А вы знаете, откуда вытекает река Дунай?

Дети чешут в затылках, шмыгают носами, но никто не знает, откуда вытекает река Дунай, а может, они и вообще не знают, что есть такая река. Подумали они, подумали и в конце концов попросили нас сказать им, откуда же вытекает река Дунай. Чир вышел вперед и не без гордости сказал им, откуда вытекает река Дунай.

Чир настолько твердо усвоил, откуда вытекает река Дунай, что, разбуди его среди ночи, он тут же, не

В городском парке

раздумывая, ответит. Ведь тот, кто однажды постигнет какую-нибудь науку, уже никогда ее не забудет.

— Наука вроде велосипеда, милостивый государь, — сказал по этому поводу Милостивый Государь, — если раз научишься ездить на велосипеде, то будешь уметь до конца жизни!

А река Дунай вытекает из своих истоков.

ТИМ-ТИРИМ

Был среди нашей братии один воробей, мы прозвали его Пиук, потому что он целыми днями порхал и сочинял песенки, напевая про себя: «Пиук, пиук, вот и песенки первый звук!» Да, сочинять не каждый может, этот дар дается от рождения. Пиук как-то рассказывал мне:

— Знаешь, Джифф, я еще когда в яйце сидел, начал сочинять. Когда я сочинял разные песенки, мне как будто бы легче становилось, не так одиноко. Целыми днями я мурлыкал в темноте: «Пиук, пиук, усатый турок курит чубук». Даже и сейчас, когда я лечу куда-нибудь один, то всегда беру с собой песенку, и она составляет мне компанию. Если путь предстоит долгий, то я набираю побольше песенок, чтобы хватило на всю дорогу. Сухой паек мне не нужен, голодным-то я не останусь, всегда найдется что поклевать, но вот без песни в путь не пускаюсь.

Мы об этом раньше не знали и даже не догадывались, что так бывает. Пиук решил нам подсобить и всем раздал песенки. Я сам проверил это в своих долгих путешествиях и могу порекомендовать вам, когда вы отправитесь в путь — а человек всегда в пути, — взять с собой какую-нибудь песенку, и вы увидите, насколько легче тогда путешествовать. Когда летишь, песенка тоже летит с тобой и составляет тебе приятнейшую компанию.

Конечно, те песенки, которые сочинял и раздавал нам Пиук, чтобы мы пели их в пути или за работой, совсем простые, но и они нам очень помогают, делают свое дело. Они не такие, как песни соловья, к примеру. У того песни замысловатые, да принаряженные, да с разными коленцами, как пустишься по этим коленцам — голова кругом идет. Эти замысловатые песни соловей поет только рано-рано утром, в тишине, чтобы покрасоваться перед всеми: пусть, мол, слышат, какие у него песни замысловатые. Мы ничего против таких песен не имеем, пускай соловей поет, а кому нравится — пусть слушает. Вот он

споеет утром свою затейливую песню, а потом целый день молчит как рыба и прячется в тени. Мы, однако, таких певцов не любим. Скажу вам прямо: по-моему, лучше петь простые песенки, но целый день и по любому поводу.

Вот, к примеру, когда пришло время вить гнезда, то все мы, кроме Толстопузика и Запяташки, летали туда-сюда и таскали без передышки строительный материал, трудились с восхода солнца до самых сумерек и через несколько дней от усталости валились с ног. Тогда Пиук сказал нам, что если мы будем вить гнезда с песнями, то мы и не заметим, как они будут готовы. Для этого он дал каждому по такой песенке, с которой выют гнезда. Когда мы начали вить гнезда и петь, нам сразу полегчало, гнезда как будто сами принимали нужную форму или, точнее, это песня делала их округлыми, чуть вогнутыми, а мы лишь помогали ей там и сям.

Один только Милостивый Государь не пожелал работать с песней, и его гнездо получилось уродливым, словно турецкая черепица, и к тому же так накренилось, что нужно было привязывать себя веревкой, чтоб не выпасть, но даже и в этом случае тебя могло сдуть ветром. Однако Милостивый Государь всегда был так упрям, что это не произвело ни на кого ни малейшего впечатления. «Можно подумать, милостивый государь,— говорил он,— что нет у меня других забот, как только заниматься всякими глупостями!»

Он считал, что песня — глупость, легкомысленное занятие. Но оно вовсе не легкомысленное, и должен вам сказать, что даже когда вы сильно устали и не можете долго уснуть, то лучше всего тихонько напевать про себя. Начнете напевать про себя, Дрема услышит, что кто-то мурлычет, и скорей-скорей туда — посмотреть, кто это напевает, ведь она просто умирает от любопытства. А вам только того и надо, чтобы Дрема пришла и заглянула в окошко. Я заметил, что, когда засыпаю, напевая что-нибудь, сны мне снятся один другого лучше и по большей части летучие. Ланки Вростопырку говорил, что когда он напевает, то видит легкие сны, и ему кажется, что его

ПИУК

лапки перестают топыриться и даже поворачиваются вовнутрь.

Если и вам хочется видеть летучие сны, попробуйте. Человеку ведь редко случается летать, поэтому, чтобы полетаться вдоволь хотя бы во сне, ему надо бы научиться засыпать с песенкой.

Попробуйте, и вы убедитесь, что это чистая правда: — тим-тирим, тим-тирим, тим-тирим.

КОЛЛЕКЦИОНЕР

Люди думают, что только они коллекционируют разные предметы, а мы, воробьи, не коллекционируем. В нашей стае был один необыкновенно увлеченный коллекционер по имени Чику. Стоило Чику что-нибудь увидеть, как он тут же принимался это что-нибудь коллекционировать. И такой он был заводной, что хотел коллекционировать даже километровые столбы с дороги и железнодорожный мост. «Вся загвоздка в том, — говорил воробей, — что мне некуда деть ни мост, ни эти километровые столбы, не то я сразу включил бы их в свою коллекцию». Каждому коллекционеру приходится протягивать пожки по одежке, а точнее говоря — по размерам собственного гнезда.

Чику занял под свою коллекцию старое гнездо одного воробья с длиннющим именем Фр.Т.Мититаки. Этот самый Фр.Т.Мититаки год назад отправился вместе с аистами на восток, на Птичью Ривьеру, и так и не вернулся. Его гнездо было порядком разорено, Чику подлатал его и взялся было коллекционировать крылья разных насекомых. Но живем-то мы под открытым небом — дожди и солнце испортили крылья, и тогда наш друг решил коллекционировать такие вещи, которые никто в мире еще не коллекционировал.

Подумав ровно столько, сколько ему было необходимо, он решил коллекционировать яйца. Для этого он стал то из одного, то из другого гнезда таскать по яичку, и за короткое время собрал богатую коллекцию. Но как любой коллекционер, Чику увлекся и начал приносить никому не известные яйца, в том числе и весьма подозрительные, вырытые будто бы из земли. В его коллекции было, например, одно яйцо, упругое, как резиновый мяч. Не раз мы собирались и играли им на поляне в футбол, а оно подскакивало, словно надутое воздухом. Никто не мог объяснить, что это за яйцо, и кого из птиц мы ни спрашивали, никто о таком резиновом яйце не слыхивал.

Ку Фу, который все еще прыгал около нас в одной куцей фуфайке, сказал, что в Китае тоже будто бы не встречалось ничего подобного.

Наш друг очень гордился этим приобретением и всем объяснял, что его яйцо среди других яиц все равно что Эверест среди других горных вершин. Чуть только появлялся какой-нибудь гость, он тут же спешил позвать его и похвастаться своей коллекцией. Была у нас одна птица — дальняя родственница сойки — по имени Смарадовранка, так Чику однажды и ее зазвал посмотреть на резиновое яйцо. Смарадовранка прилетела, болтливая и трескучая, как пулемет, и такая вонючая, как будто отродясь не мылась. Мыться она и вправду не мылась, но это не мешало ей ходить расфуфыренной, нацепив на крылья синие бантики. На хвост она тоже понавязала синих бантов да еще разукрасилась крест-накрест черными лентами, так что от ее бантиков рябило в глазах.

Смарадовранка тут же приступила к делу, осмотрела всю коллекцию, каждому яйцу дала название, потому что она птица образованная, везде бывает, разные модные журналы читает, а чаще всего один французский журнал 1903 года, такой же нестрый и полный бантиков, как и она сама. Дойдя до резинового яйца, Смарадовранка задумалась: что же это за яйцо такое? Пока она думала, ей пришло в голову, что, чем думать молча, лучше тем временем что-нибудь рассказывать. Думала она, думала, поглядывала на яйцо и говорила, что собирается купить себе машину — «трабант» — и разъезжать на ней.

Мы в свою очередь спросили — а вдруг это резиновое яйцо как раз и есть яйцо трабанта; но она сказала, что трабант не несет яиц, и пока она думала-гадала, резиновое яйцо треснуло, из него что-то высунулось и угрожающе произнесло: «С-с-с-с-с!» Смарадовранка стремглав развернулась вокруг своей оси, подхватила все свои тысяча триста бантиков и с реактивной скоростью исчезла в небе вместе с французским журналом 1903 года. Чир сразу дал задний ход, а Чику подпрыгнул и повис над гнездом. Мы перебрались на верхние ветки и с ужасом наблюдали, как из резинового яйца выползает безногое животное,

шипит: «С-с-с-с!» — грозит всему свету и бросает на нас зловещие взгляды.

Это была змея.

Чику, обшаривая округу в поисках яиц, подобрал с земли и это змеиное яйцо и поместил в свою коллекцию. Вылупившийся из него разбойник — недаром рос он в темном подземелье — смотрел так мрачно и злобно, будто свет был ему не мил. Не переставая шипеть, он спустился вниз по стволу.

— Черт побери! — воскликнул Чику. — Ну-ка посмотрим еще вон то яйцо, которое я на земле нашел! Вдруг оно тоже змеиное, а то, глядишь, из него какой-нибудь дракон или динозавр вылезет!

Мы вернулись к коллекции, окружили второе яйцо, выбранное на земле, тихонько постучали сверху по скорлупе, как будто слегка похлопали его по плечу, и Чику крикнул:

— Дракон ты или динозавр, отзовись!

То, что находилось внутри, помолчало немного, а потом чихнуло.

— Не думаю, чтоб динозавр умел чихать, — сказал Чир, но на всякий случай включил задний ход, чтобы смыться при первых признаках опасности.

Тогда Чику что было силы стукнул по яйцу, оно раскололось пополам, и из него вылезла черепашка.

Черепашка моргнула, поглядев на солнце, и снова чихнула.

— А ты, однако, тоже странное существо! — сказал Чику. — Стоило разбивать одну скорлупу, чтобы появиться на белый свет в другой!

— Что поделаешь, — сказала черепашка. — Я все больше хожу по таким местам, где нет ни постоянных дворов, ни гостиниц, а как стемнеет, должна же я где-то поспать! Потому я пошу свой дом на себе, а когда в пути меня настигает почь, залезаю внутрь, запираюсь от разбойников и ложусь спать.

После этих объяснений черепашка спросила, где тут поблизости вода, и мы показали ей, в какой стороне река. Черепашка перевалилась через край гнезда вместе со

своим домиком, упала в траву и с бешеной скоростью отправилась прямо к реке. Спустя месяц мы еще раз ее увидели, она была уже на полпути к реке.

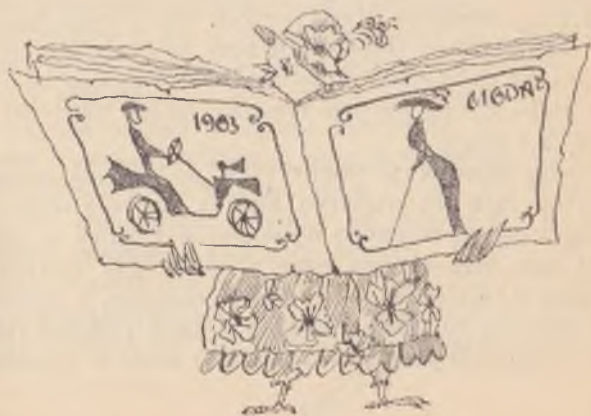
Чикю засучил рукава и проверил все яйца в своей коллекции. Из одного научьего яйца вылезло сто научат и продолжали вылезать еще, но мы умеем считать только до ста, так что остальных не считали. Во всяком случае, их было гораздо больше ста.

— Что с паука взять, — сказал Чикю. — Птица никогда не посадит сто воробышков в одно яйцо, чтоб они давились там внутри, наступали друг другу на ноги или толкались бы локтями, как толкаются люди в трамваях.

С тех пор наш друг не взял в свою коллекцию ни одного яйца, если не был уверен, что оно птичье.

По этому поводу Милостивый Государь сделал следующее замечание:

— Ты, милостивый государь, старайся не забывать, что каждый сверчок должен знать свой шесток, а каждый коллекционер — свою коллекцию. С какой это стати ты взялся коллекционировать пресмыкающихся, милостивый государь! Ты видел когда-нибудь, чтобы какос-нибудь пресмыкающееся надумало коллекционировать воробьев? Не видел и не увидишь, милостивый государь, потому что пресмыкающееся спит и видит, как бы тебя съесть, а ты его коллекционировать взялся! Эх, милостивый государь, милостивый государь!

ИГРА В ВОРОБЫШКОВ

Сидели мы как-то раз все вместе, вот как сейчас, обсуждали хором свои птичьи дела и решили немного поиграть. Каждый выбрал себе по воробышку, и все начали играть друг с дружкой. Я выбрал Ю.Тц., потому что и Ю.Тц. выбрала меня. Пока мы с ней играли, у нас получилось новое гнездышко, чистенькое и ладное. Ю.Тц. навела в нем порядок, и, продолжив нашу игру уже в гнездышке, мы понемногу наполнили его яйцами.

— Джифф, хочешь играть дальше? — спросила меня Ю.Тц., и я ответил:

— Конечно хочу!

— Тогда, — сказала Ю.Тц., — я стану насиживать яйца, а ты будешь важно-важно летать вокруг гнезда и время от времени приносить мне по мухе, а утром, если тебе не трудно, можешь спускаться к реке и приносить мне немного воды в перьях.

— Согласен! — сказал я и начал летать вокруг гнезда с таким важным видом, что если бы кто взглянул на меня, то тут же упал бы передо мной ниц, но важности у меня все равно не убавилось бы.

И вот я, необыкновенно гордый собой, летаю вокруг гнезда, а сам тем временем поглядываю краем глаза на других воробьев. Все они тоже напустили на себя жутко важный вид, особенно Чир, потому что у него важность и та на заднем ходу. Перед ним хоть до завтрашнего утра падай ниц, он тебя даже и не заметит, а прямо на заднем ходу с самым что ни на есть важным видом переседет тебя, не моргнув глазом.

Впрочем, важность важностью, но всякой важности свое время. Как ни приятно иногда почувствовать себя значительным, и это скоро приедается и даже надоедает. Конечно, тот, кто сделал свое дело, всегда немного задирает нос, и, в общем-то, не без основания, а потом ему хочется воспеть то, что он сделал. Одной работой жив не будешь — это тебе всякий скажет. Вот и мы — поработаем

немного, воспоем свой труд, снова поработаем и снова воспоем. Именно так было и в этот раз.

Однажды гляжу: ранним-ранним утром каждый уселся на край собственного гнезда и изо всех сил воспевает свою жизнь. Лучше всех, конечно, получается у Пидука — у него природный дар слагать песни. Но даже и те, у кого нет природного дара, тоже запускают рулады, и много дней напролет звенят повсюду наши песни. Чирик-чирик, чирилик-чик! Айда к реке, Джифф, принесем воды в перышках!

Тем временем мы продолжали играть в воробышков, и как-то раз мне послышалось, будто в яйцах что-то постукивает. И вот в одно прекрасное утро из них появились голыши — тычутся друг в друга, пищат и жмурятся от удовольствия. Перьев у них еще нет, один только пух, но они все равно машут крылышками и делают вид, что вот-вот полетят. Но мы-то знаем, что они не полетят, потому что всему свое время и обогнать время невозможно.

Вот примостился на крыше кот, подкручивает усы и приговаривает: «Славное лакомство подрастает!», а я ему отвечаю: «Смотри, подавишься!» Кот все сидит и знай мурлычет с утра до вечера. Жена у него лентяйка невозможная, на белый свет смотреть — и то ей лень, мурлыкать — тоже неохота, вот она все свои обязанности на кота и сваливает. Что ему остается? Чтобы не было скандалов, садится и мурлычет за двоих: мур-мур, мур-мур...

Но не будем отвлекаться, поскольку воробышки в гнезде подросли и умирают от нетерпения — хотят летать. Я приступаю к делу со всей строгостью, хватаю первого попавшегося птенца за шиворот и со словами «Ну-ка, марш!» выбрасываю его из гнезда. Он пищит, начинает бить крылышками и сразу хватается за воздух. Вслед за ним я повыбрасывал и всех остальных. Они разлетелись кругом, а я сижу на краю гнезда и усмехаюсь про себя, но так, чтобы птенцы не заметили, до чего мне приятно смотреть, как они летают. Пусть думают, что я очень сердит! Вот подрастут — сами поймут, что к чему.

Тем временем мои друзья тоже начали выбрасывать своих птенцов из гнезд. Ку Фу нарядил всех в кучье

ИГРА В ВОРОБЬШКОВ

фуфайки и кидает их прямо вниз головой. Птенцы Чира все, как один, полетели задним ходом, а Пиуковы детки сразу же начали сочинять песни. Птенцы Чику захватили старое гнездо Фр.Т.Мититакки и стали коллекционировать все, что попадется на глаза. Не терял времени и Милостивый Государь. Он сидел наверху, на краю своего безобразного гнезда, напоминающего турецкую черепицу, и слушал, как его птенцы делают ему замечания.

— Милостивый государь, — выговаривают они, — кто ты такой, чтобы учить нас летать?

А он в свою очередь отвечает:

— Терпеть не могу, милостивый государь, когда вмешиваются в мои дела. Лучше приготовься и подтянись!

С этими словами Милостивый Государь сильно накричал подобие турецкой черепицы и не долго думая высыпал всех своих птенцов прямо вниз. Тут же все пространство вокруг наполнилось замечаниями, со всех сторон только и слышалось: «Милостивый государь, милостивый государь» и т. д. Воробей стоит, хорохорится и говорит мне:

— Ну и детки получились, милостивый государь! Как две капли воды на меня похожи!

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ

Милостивый Государь был очень интересный воробей. Целыми днями он сидел на дереве и ждал, не появится ли кто-нибудь, кому бы он мог сделать замечание. Неважно, кто или что это было — телега, мужчина, собака, женщина, воз со снопами, — всех он окликал: «Милостивый государь». Ну разве можно сказать женщине «милостивый государь»? Милостивый Государь, однако, в ус не дует, а сидит себе наверху и кричит ей: «Милостивый государь, ты что, не можешь ступать как следует? Вон какую пылицу подняла! Где тебя только учили так ногами шаркать?» И все в том же духе.

Смрадовранка как-то раз пожаловала к нему со своими тысячью тремьятами бантиками и со своим французским журналом 1903 года, а он, даже не поздоровавшись, набросился на нее:

— Милостивый государь, до каких пор ты будешь носиться всюду со своими бантами?

А Смрадовранка оправляет банты и отвечает ему:

— Не твое дело, Милостивый Государь! Ты, вместо того чтобы придирааться, лучше взял бы да привел в порядок свое гнездо. Разве не видишь, что оно кривое, как турецкая черепица!

Воробей наш насупился, лущит подсолнечное семечко и выплевывает шелуху прямо на банты своей гостью.

— До чего ты невоспитанный, Милостивый Государь, — говорит ему Смрадовранка, а Милостивый Государь в свою очередь отвечает:

— Милостивый государь, не родился еще тот, кто будет учить меня уму-разуму!

С этими словами Милостивый Государь вдруг подскочил, перевернулся и принялся распекаль вихрь, который закружился вокруг него, поднял столб соломы и пыль, а потом взял да и высыпал все это прямо на воробья.

— Отлично! Лучше не придумаешь! Тебе что, милостивый государь, непременно мне на пиджак нужно вытрясти весь мусор?!

Но куда там, вихрь уже умчался в сторону шоссе, не обратив на воробья никакого внимания.

Милостивый Государь был такой ворчун, что даже охотясь за насекомыми, на лету умудрялся беспрестанно читать им нотации. Однажды погнался он за какой-то мухой — так себе мушка, ничего особенного, но и ей жить хочется — вот она и удирает во все лопатки. Следом за ней летит мрачный Милостивый Государь и все время делает ей замечания:

— Что это ты поворачиваешь влево, когда можно лететь прямо, хочешь, чтобы я брал эти крутые повороты? Ну кто так поворачивает, я едва не опрокинулся на этом вираже... Стой, милостивый государь, куда это ты вверх ринулся?

Но насекомое тем временем передумало лететь вверх.

— Нет, гляди-ка, теперь оно назад летит и даже словом не обмолвилось, что будет возвращаться. Если каждый начнет так летать, милостивый государь, то в один прекрасный день весь крылатый род прекратит свое существование и наступит всемирная катастрофа!

В то время как Милостивый Государь произносит свои речи, насекомое и не думает его слушать, а удирает так, что только пятки сверкают и ветер в ушах свистит. Оно все набирает и набирает скорость и все дальше отрывается от своего преследователя. В следующий миг мимо насекомого молнией проносится ласточка, и вот уже не видно ни насекомого, ни ласточки.

— Эй, эй, милостивый государь, так не пойдет — я буду преследовать насекомое, а ты его лопать? Ну-ка, верни мне мое насекомое!

Такого, впрочем, еще никогда не случалось, потому что насекомое ничье. Точнее, оно принадлежит тому, кто его поймал. Иначе какой-нибудь умник прибрал бы к рукам все, что летает под небесами, не оставив другим и половинки насекомого.

До чего доходит в своей наглости Милостивый Государь, вы еще лучше поймете из одного случая, о котором я сейчас расскажу.

Как-то раз в наших краях проводились маневры — тут

тебе и солдаты, и пушки, и танки, кругом пулеметы понаставлены, в небе самолеты гудят, а также и вертолеты. Увидев, что армия начинает маневры, Милостивый Государь устремился прямо к ней. Тут солдаты принялись стрелять, и вся живность — летающая и бегающая — бросилась врассыпную и как сквозь землю провалилась. Один только Милостивый Государь, взбешенный и воинственный, как ни в чем не бывало ругает военных и делает замечания.

— Эй, милостивый государь, куда вы прете напролом! — кричит воробей войскам, как будто они вторглись в его личные владения. — Тебе что, именно здесь пришло стрелять, милостивый государь? Если каждый начнет вот так стрелять, чем все это кончится?

Солдаты меж тем продолжали стрелять, и один снаряд, просвистев совсем рядом, чуть было не смёл нашего воробья. Милостивый Государь подпрыгнул, перевернулся вокруг своей оси и стал отряхиваться, поскольку снаряд малость оналил его пиджак. Он отряхивался и кричал влед снаряду:

— Эй ты, нельзя ли поаккуратней? Какой дурак учил тебя налетать на прохожих? Ослеп ты, что ли, не видишь, что я здесь лечу, а? Ну и порядки, милостивый государь!

Снаряд, впрочем, даже и не взглянул на Милостивого Государя, а продолжал лететь в прежнем направлении. Смордованка подняла крик до небес — она оказалась у него на пути и пыталась, с одной стороны, удержать все свои бантики, а с другой, не уронить французский журнал 1903 года. Кончилось дело тем, что она ударилась в панику и ей было уже не до журнала и не до бантиков. Снаряд со свистом пролетел мимо нее, попал во французский журнал 1903 года и разнес его в пух и прах.

Завидя это, Милостивый Государь поджал хвост и пустился наутек. Как только он поравнялся с нами, мы крикнули ему:

— Милостивый Государь, да ты никак армии испугался!

— Кто, я? Не родился еще тот, кого я испугаюсь, милостивый государь! Не родился еще!

Чир стал его подначивать:

— Как я посмотрю, Милостивый Государь, ты разве что к белому свету еще не приставал со своими замечаниями.

— Подумаешь, белый свет, я и к нему придерусь, и ему замечание сделаю. И глазом не моргну!..

Тут он стал вертеться во все стороны, чтобы посмотреть на весь белый свет, и давай ему кричать:

— Эй, милостивый государь, куда это ты прешь напролом?

Но белый свет на нашего воробья даже и не смотрит, знай прет себе, не разбирая дороги, и делает свое дело.

Белый свет и не такое видывал, милостивый государь!

Смрадовранка очень обиделась в тот раз на воробья.

— Вот,— говорит,— снаряд разнес в клочья мой французский журнал, а я только было начала изучать Париж!

— Ну и что ты узнала, милостивый государь, что ты там наизучала в своем Париже? — недружелюбно спросил Милостивый Государь.

Бедняжка поправила свои банты и рассказала ему, что Париж — столица Франции, что там есть Эйфелева башня и что он не граничит с другими городами.

— Как это не граничит? — удивился Милостивый Государь. — Разве бывает, чтобы кто-то с кем-то не граничил на этом свете?

— Бывает,— ответила ему Смрадовранка,— в Париже все бывает, потому что там Европа, это тебе не то что у нас на Балканах, где все со всеми граничат!

ПТИЧЬИ ПЕРЬЯ

Посмотрите на это птичье перышко, что летит и колыхнется, пытаюсь удержаться в воздухе.

Оно парит одиноко, с надеждой озираясь вокруг и опускаясь все ниже и ниже. Много перышек колыхнется в вышине, и одно за другим находят на земле успокоение. Когда легкий ветерок пробежит на цыпочках по земле, они закружатся в воздухе и снова вспомнят, как летали когда-то, купаясь в синем просторе, кувыркаясь и весело шелестя. Даже оказавшись внизу, мертвые птичьи перья лежат чутко, готовые в любой миг очнуться ото сна, встрепенуться и полететь снова.

Мы, воробышки, умираем, но наши перья продолжают жить на земле. Птицы погибают, а люди собирают их перья и набивают ими подушки — потому люди по ночам и летают во сне, что снят на птичьих перьях!.. И перья тоже снят и видят во сне свои прежние полеты, а этому перышку снится общая любимица, тихая Ю.Тц. Нет больше Ю.Тц., не с кем мне играть теперь в воробышков, вить гнездо, некому рано утром носить воду из речки или петь песенки Пнука.

Помню, тогда был прекрасный день, солнечный и ясный, все высыпали полетать над лугом и больше резвились, чем охотились. Даже Милостивый Государь был в хорошем настроении и не сделал ни одного замечания. Ку Фу постирал свою куцую фуфайку и как раз встряхивал ее, как вдруг, откуда ни возьмись, ястреб. Он камнем падал вниз. В тот же миг все бросились врассыпную. Ю.Тц. заметила хищника слишком поздно, она попыталась спрятаться в траве, но страшный удар настиг ее сверху, и в следующую минуту мы увидели, как разбойник поднимается в небо, а в когтях у него пищит Ю.Тц.

Потом все кончилось, наступила страшная тишина. Мы притаились в кусте терновника, и ничто не нарушало тишины, кроме биения наших сердец. Мы сидели и смотрели в небо со смутной надеждой, что Ю.Тц. еще вернется, что все это было сном. Но сколько мы ни смотрели

вверх, оттуда никто не появлялся, а потом вместо птицы из синевы показались птичьи перья. Они опускались плавно, еле заметно и были похожи на облачко. Но вот облачко начало распадаться, перышки еще старались удержаться рядом, но ветер рассеивал их, и они, летя уже в одиночку, махали друг другу на прощанье, ведь они знали, что никогда больше не соберутся вместе и не полетят с Ю.Тц. Первые из них упали на луг и затихли там в ожидании.

Тогда все мы, не сговариваясь, бросились вниз, каждый взял себе на память по перышку и понес к себе в гнездо. Я тоже поднял одно перо и, неся его в клюве, думал о том, что каждое утро стану брать его с собой и мы будем летать вместе. Перо успело совсем остыть, и мне долго пришлось греть его в своем старом гнезде. И знаете, когда я грею его, перышко Ю.Тц. как будто оживает и тоже начинает греть меня. Тогда я выпускаю его из гнезда, и оно долго-долго парит и танцует в воздухе, пока наконец не упадет на землю.

Дети, если где-то на пути вам попадется птичье перышко, не проходите мимо. Поднимите его с земли, пустите его полетать, и оно будет очень вам благодарно. Потому что даже если птица умирает, перья ее всегда живы. Не проходите мимо наших перьев, дети, не проходите мимо воспоминаний о нашей жизни, а воскрешайте их!

ИМЕТЬ И НЕ ИМЕТЬ

Племянник Фр.Т.Мититаки отправился на Птичью Ривьеру и пробыл там с месяц, а может, немного больше. Сам Фр.Т.Мититаки перебрался туда давно, устроился там и уже год звал своего племянника в гости. Тот слетал и возвратился обратно, да такой важный — фу-ты пу-ты, весь пропах водорослями, на одной лапке у него кольцо, и этой лапкой он ступает на самый носочек, отчего важность его разрастается до небывалых размеров.

Мы сразу окружили его и говорим:

— Слушай, Мититаки (он носил имя своего родственника), слушай, Мититаки, что же ты не прислал нам открытку с Птичьей Ривьеры? Ты же, когда улетал, обещал послать нам открытку с видом, а не послал!

— Верно, обещал, — отвечает Мититаки, — но как послать, когда там нет почты! Можно, конечно, передать с оказией, но нет никакой уверенности, что открытка дойдет. Однажды дядя послал мне с одним знакомым прекрасные крошки, а тот возьми да съешь эти крошки, ни одной разьединой крошки мне не прииет. Дядюшка всегда говорит: «Если ты хочешь, чтобы посылка не дошла туда, куда надо, отправь ее с оказией».

Мититаки рассказывал нам о разных чудесах, мы слушали его раскрыв рот, и от удивления то один, то другой аж с дерева надал. Его дядя, например, держал на Ривьере несколько собственных парашютов, ему принадлежали балконы в гостиницах, а также водные велосипеды. Никто из нас ни разу не видел водного велосипеда, и Мититаки объяснил нам, как ездят на велосипеде по воде. Дядя все время катал его на этих самых велосипедах, а по ночам они возлежали на балконах и любовались морскими огнями или же смотрели, как звезды на пылочках ступают по небу, тихо-тихо, чтобы не поднимать шума и не будить спящих. Центральный проспект Ривьеры тоже был собственностью Фр.Т.Мититаки. Мы спросили нашего воробья, что его дядя делает с этим про-

спектом. Если бы у меня был, к примеру, свой проспект, я решительно не знал бы, что с ним делать!

— Как это что, — удивился Мититаки, — проспект дядин, и он целыми днями по нему прогуливается. Это вам не шутки — содержать проспект! Мы здесь совершенно отстали от жизни, и если нам поручат управлять проспектом, мы завалим это дело на другой же день. А вот дядя справляется! Утром он встает ни свет ни заря и следит за тем, чтобы его тридцать подметальщиков хорошенько подмели проспект. Подметальщики, дюжие молодцы, берут каждый по нальмовому листу и принимают мести. Метут аккуратно, стараются не пылить, а дядя летает взад-вперед, заглядывает повсюду, и если заметит, что пропустили хоть крошку, хватается ее и ну ругать подметальщиков. Те чувствуют себя неловко, начинают мести еще усерднее, и не успеет солнце взойти, как проспект уже сияет чистотой, будто его языком вылизали. Дядя очень требователен, пылинки не пропустит, поэтому, как только на Ривьеру кто-то приезжает, он первым делом отправляется посмотреть дядин проспект и пройти по нему. Однажды приезжал даже один король с королевой, оба смотрели, качали головами и очень хвалили дядин проспект.

В обеденное время, когда наступает страшная жара, дядя летит в гараж распорядиться, чтобы выслали цистерны с холодной водой и полили проспект. Цистерны тут же выезжают, дядя летит над ними и показывает, куда больше воды, куда меньше, где полить еще раз и т. д.

Вы себе не представляете, какой это труд, — вздыхает Мититаки. — Но дядюшка мой — человек с размахом, да и везет ему в делах: взялся за этот проспект — и устроил все наилучшим образом. Когда он принялся за работу, проспект был очень пыльный. Дядя нанял машины, инженеров, все заасфальтировал, всюду установил бордюры, а вдоль бордюров расположил летние рестораны. Лично он держит три летних ресторана и набрал множество воробьев, которые ему помогают. Воробьи целыми днями летают туда-сюда и очищают рестораны от мух, букашек и всякого мусора.

HOTEL

"RIVIÈRE"

RIVIÈRE

MUTITAKU

Еще Мититаки рассказал нам, что его дядюшка управляет всей санитарной службой на Птичьей Ривьере и организует большие отряды по истреблению комаров. Сам Мититаки, по его словам, два раза принимал участие в подобных операциях. А комары там величиной с вертолет и кусают гостей Ривьеры не хуже собак. Дядя, конечно, не может допустить, чтобы комар прямо среди бела дня появлялся на его проспекте и кусал приезжих. Вот, скажем, сидит человек в одном из трех летних ресторанов и только принимается за суп, как появляется комар и норовит куснуть его в лодыжку или в шею. Если комару это удастся, то клиент рассердится, отодвинет суп, и ноги его больше не будет в этом ресторане. Поэтому или сам дядя, или какой-нибудь другой воробей все время на страже и, как только заметит где-нибудь поблизости комара с саблей наголо, сразу хоп! — и перерезают его клювом пополам. «Не то что комар, — говорит Мититаки, — даже бабочка-однодневка не смеет пролететь над дядиным проспектом».

Мы спросили, что это за кольцо у него на ланке, и Мититаки рассказал нам, что накануне его отлета они с дядей отправились на какую-то станцию, и там его окольцевали. Теперь, наблюдая за ним, ученые люди смогут установить, по каким маршрутам летают воробьи. Это дело, опять-таки с помощью своих связей, устроил Фр.Т.Мититаки. Ему важно было знать, куда отправится его племянник, чтобы в случае необходимости его вызвать.

— Вы себе не представляете, — говорил Мититаки, — что за привольная жизнь на Птичьей Ривьере! Если б не вы, я бы ни за что не вернулся.

— Так что же ты вернулся? — спрашиваем мы.

— Чтобы похвастаться, — говорит Мититаки. — Если б мне здесь не перед кем было хвастаться, я бы ни за что не вернулся! Еще перед отлетом мы с дядей побывали на одной египетской пирамиде. Эти пирамиды раньше принадлежали фараонам, но фараоны все давно вымерли, а дяде приглянулась одна из них, он покорила ее, и теперь пирамида — его.

— Как это «покорил»? — спрашиваем мы.

— Пирамида ведь сужается кверху, — объяснил нам Мититаки, — так что заканчивается она маленькой площадкой, такой маленькой, что на нее можно встать только одной ногой. Кто ступит на нее одной ногой, тот и становится покорителем пирамиды. С этой минуты она твоя, и никто другой не имеет на нее никаких прав. Вот дядя как-то раз и говорит мне: «Выбери себе какую-нибудь пирамиду, завладеешь ею, и будет у тебя своя пирамида». Настоящая фараонская пирамида, никакого подвоха.

— Ну и ну, — удивлялись мы, — значит, у твоего дяди и пирамида есть настоящая!

— Конечно, есть, правда, он обычно только по субботам и воскресеньям туда летает на отдых.

Такие вот дела, разбогател человек, все ему удается! Не то что мы, голытьба, перебиваемся тут кое-как, ни пирамиды ни у кого из нас нет, ни проспекта. А Фр.Т.Мититаки и проспект содержит, и три летних ресторана, и массу водных велосипедов, и бог знает что еще!

— А интересно, какое гнездо у твоего дяди? — спросил я Мититаки.

— А у моего дяди нет гнезда, — говорит Мититаки.

— Да ну! — Мы удивленно переглянулись, а потом, посоветовавшись между собой тихонько, решили, что все богатство Фр.Т.Мититаки и вся его Птичья Ривьера гроша ломаного не стоят, раз у него нет самого обыкновенного птичьего гнезда, в котором можно согреться и наполнить его ночью самыми чудесными снами.

РУЛЬ

Я уже говорил, что неподалеку от нас жил кот, который целыми днями мурлыкал за двоих. Жена у него была ужасная лентяйка, лежит, бывало, с утра до вечера и усом не ведет. Мало того что кот мурлыкал за двоих, он и о пропитании для ленивой кошки должен был заботиться. Вот нежится она на солнышке, потягивается и все бормочет себе под нос, что ей страх как хочется птичьего мяса. «Где я тебе возьму,— сердится кот,— были бы у меня крылья, я бы слетал и принес!»

Милостивый Государь его поучает:

— Ты, милостивый государь, лучше бы приструнил свою жену, пусть сама себе пропитание добывает. Ладно, мурлыкал бы вместо нее, а ты еще и к воробьям подбираться. Смотри, как бы тебе не подавиться, милостивый государь!

Наш воробей расхаживает по крыше и делает замечания громоотводу, что тот, дескать, плохо молнии ловит,— позавчера одна молния чуть было не опалила ему перья. Громоотвод смущенно молчит, чувствует, что Милостивый Государь прав. Рядом сидит, задумавшись, расстроенная Смарадовранка. С тех пор как снаряд попал в ее французский журнал 1903 года, это уже совсем не та Смарадовранка, даже банты у нее поблекли и расстрепались.

Воробышки прыгают по крыше, приятно греет солнце, торопливо бежит паук — прокладывает телефонные провода. По этим проводам он получит сообщение, когда какая-нибудь муха запутается в паутине. Мы тоже даром времени не теряем — едим паука, жмуримся на солнышке и рассказываем друг другу разные истории. Мититакки начищает свое кольцо, Толстопузик охает, а Чир предлагает биться с ним об заклад, что научится летать не только задом наперед, но и вверх ногами. Он было попробовал, но тут же свалился на крышу.

И как раз в эту минуту кот, который сидел и мирно мурлыкал, вдруг прыгнул и изо всех сил ударил лапой

Милостивого Государя. Милостивый Государь в ужасе подскочил кверху и вцепился в верхушку громоотвода.

— Чтоб у тебя лапы поотсыхали, милостивый государь! — закричал он сверху. — Чтоб тебе пусто было, милостивый государь!

В тот же миг все кинулись врассыпную. Чир задним ходом влетел прямо в водосточную трубу, а Мититакти сразу бросил начищать свое кольцо, перемахнул через девять крыш на десятую и оттуда стал грозиться, что напишет своему дяде Фр.Т.Мититакти на Птичью Ривьеру. О чем именно он собирался писать, мы не поняли, потому что вокруг стоял ужасный гвалт. Кот понявился и заткнул уши, чтобы не слышать, как мы кричим и возмущаемся.

— Что ты за неумеха такой! — стала ругать его жена. — Раз ни на что больше не способен, садись и мурлыкай! Размазня!

Милостивый Государь вспорхнул с громоотвода и полетел в сторону улицы, но вместо этого оказался во дворе и с маху ткнулся в развешанное там белье. Он отскочил в сторону, отряхнулся и полетел было дальше, но неожиданно врезался в дерево и тут же принялся его ругать:

— Тебе что, милостивый государь, трудно подвинуться, если я лечу прямо на тебя! Хорош, милостивый государь, хорош, нечего сказать!

Он попытался взлететь на дерево, но вместо этого отделился от него и какое-то время метался из стороны в сторону, точно бабочка. Казалось, кто-то привязал его за пятачок и дергает то туда, то сюда.

— Милостивый Государь, — кричу я с крыши, — что это с тобой?

— Сам не пойму, милостивый государь, но я что-то потерял управление. Правлю в одну сторону, а меня несет в противоположную.

Мы окружили Милостивого Государя и помогли ему взобраться на безопасное место.

Только когда он сел на ветку, мы увидели, что у него нет хвоста.

Кот лапой оторвал ему хвост, а вы, наверное, знаете,

что хвост для воробья все равно что руль. Так же, как рыбы, мы правим с помощью хвоста, а еще он нам нужен, чтобы сохранять в воздухе равновесие. Так что Милостивый Государь оказался одновременно и без руля, и без равновесия. Смарадовранка качает головой и говорит, что, будь у нее с собой французский журнал 1903 года, там наверняка можно было бы изыскать какой-нибудь совет, как приделать новый руль.

Но журнала не было, а никто из нас никогда не читал, как приделать новый руль. Спрашиваем у Мититаки, не слышал ли он чего-нибудь такого на Ривьере, он чешет в затылке и наконец признается, что не слышал. Тогда, может быть, наш китайский приятель Куця Фуфайка что-нибудь знает? Мы принялись кричать: «Ку Фу! Ку Фу!» — но никто не отозвался.

— Не попал ли он в беду? — сказал Чир, вылезая из водосточной трубы.

И тут видим: посреди двора лежит шляпа, а по двору идет какой-то человек и направляется прямо к шляпе. Человек поднял шляпу, надел ее на голову, а под ней, весь скукожившись, сидел Куця Фуфайка. Человек спрашивает его, что он делал под шляпой, а Куця Фуфайка ему и говорит:

— Сторожу твою шляпу, уважаемый, а то здесь кот ходит и может ее утащить. Коту только того и надо: увидит, где что плохо лежит, и тащит.

Человек похвалил Ку Фу и угостил крошкой. Куця Фуфайка взял крошку, но есть ее не стал, а отнес Милостивому Государю.

— Возьми, — сказал он, — я всегда пайду себе какую ни на есть крошку, а у тебя теперь ни руля, ни равновесия, придется тебе целыми днями сидеть на дереве. Разве что какое насекомое прямо перед носом пролетит, и ты его схватишь.

Но и насекомое тоже ведь не лыком шито, все поровит пролететь подальше.

Так Куця Фуфайка подал нам пример, и все мы начали носить еду Милостивому Государю, а он целыми днями сидел на дереве и уговаривал свой хвост отрастать

побыстрее. Перья на хвосте действительно скоро выросли, и мы предложили Милостивому Государю попробовать, сможет ли он править своим новым рулем и удерживать равновесие. Милостивый Государь попробовал и продержался в воздухе довольно долго. Потом он вернулся к нам на дерево и пожаловался, что плохо вписывается в повороты.

— Так ты тогда лучше не поворачивай,— советует ему Смарадовранка.

— Если бы я жил твоим умом, милостивый государь,— отвечает он Смарадовранке,— то, уж конечно, не стал бы поворачивать. Но по счастью, я живу не твоим умом!

А нам он говорил так:

— Живите, ребята, радуйтесь, но берегите пуще глаза свои хвосты! Если у тебя вырвут хвост, милостивый государь, новый, конечно, вырастет, но новый хвост ни в какое сравнение со старым не идет — и править по-старому не удастся, да и равновесие будет уже совсем не то!

ГРОЗА СНЕГОВИКОВ

Да, чуть было не забыл рассказать вам о себе. Про других я уже рассказал все, что мог, а про себя забыл. По своей скромности я все больше стараюсь представить в выгодном свете других, а сам из-за этого остаюсь в тени. Как говорит Лапки, Вростопырку, я весь в тени, только лапки у меня всегда на виду. Так вот, меня зовут Джифф. Как видите, в конце имени у меня целых два «ф», что говорит о моем отчасти благородном происхождении. Конечно, если взять, к примеру, Фр.Т.Мититакки, то у него и имя длиной в три километра, и собственная Ривьера есть, но по части благородства ему все равно до меня далеко. Даже Милостивый Государь всегда обращается ко мне с исключительной вежливостью, а уж если не может удержаться от замечания, то так его урезает, что оно становится совсем малюсеньким замечаньицем, а такое замечаньице вполне можно и не замечать.

Зимой, когда выпадает снег и наступают холода, я становлюсь свирепым, как тигр, — настоящий разбойник и гроза снеговиков. Другие воробьи всё жмутся к печным трубам, а некоторые даже забираются внутрь погреться и потом вылезают оттуда чернее трубочистов. Я же грозно расхаживаю по крыше и жду, когда на горизонте покажется снеговик. Как только снеговик покажется на горизонте, я издаю боевой клич и устремляюсь прямо к нему, чтобы в честном бою померяться с ним силой.

Снеговик в полной боевой амуниции выглядит важно и воинственно, но, увидев меня, начинает дрожать мелкой дрожью и весь просто леденеет от страха. А мне только того и надо, я подлетаю к нему и хоп! — мигом отсекаю ему нос. Носы у снеговиков обычно из морковки, а нам, воробышкам, морковка зимой очень по вкусу. Мои друзья тем временем отсиживаются в укрытиях, одним глазом наблюдая за страшной сечей, а другой зажмурив от страха. Но стоит им только увидеть, что снеговик стоит без носа, а нос уже валяется на снегу, как они тут же

несутся отведавать угощения, радостно галдя и поднимая крыльями невообразимый шум.

Тут все принимают меня поздравлять. Ку Фу хоть и дрожит в своей куцей фуфайке, все равно сначала поздравляет меня с победой, а уж только после этого принимается за трапезу. Пиук насвистывает песенку в мою честь. Запятушка так широко улыбается, что рот у него разъезжается аж за уши. А Милостивый Государь похлопывает меня по плечу и приговаривает:

— Молодцом, милостивый государь, молодцом!..

Я стою при этом с самым что ни на есть скромным видом и говорю:

— Угощайтесь, ребята! Со мной не пропадешь!

А сам смотрю, не покажется ли тем временем на горизонте еще какой-нибудь снеговик. Ну конечно, он уже тут как тут — стоит, вооруженный до зубов, и бросает мне вызов. Не моргнув глазом, я кидаюсь прямо на него. Еще миг — и он уже стоит без носа, оледенев от ужаса, а у себя за спиной я слышу: «Молодцом, милостивый государь, молодцом!» Мне даже не нужно оборачиваться — я и так знаю, что это Милостивый Государь раньше всех подоспел к добыче и потому раньше всех начинает меня нахваливать.

Интересно, где эти снеговики проводят лето? Мне ни разу не приходилось встречать снеговиков летом. Я спрашивал Мититаки, не случалось ли ему видеть их на Ривьере, где тепло, солнечно и можно с комфортом отдохнуть. Но Мититаки совершенно определенно заявил, что на Ривьере снеговиков нет. Смарадовранка заметила, что если бы у нее был с собой ее французский журнал 1903 года, то там наверняка можно было бы прочесть, где снеговики проводят лето, но, как вы знаете, журнала нет, поскольку она отдала его в переплет, и прочесть мы в нем ничего не можем.

Во всяком случае, где бы они ни путешествовали, где бы ни скрывались в летнее время, я знаю: с наступлением зимы они появятся в городах и селах, грозно замрут, выставив вперед свои воинственные носы и сея повсюду страх. Но я-то совершенно их не боюсь,

потому что храбрость досталась мне по наследству.

Да я лишь ногой топну, и носы у снеговиков сами собой отвалятся от страха! Да я лишь подниму ногу, чтобы топнуть, и тут уж не только носы, но и сами снеговики попадают один за другим... Кто это еще тут топает ногой? Милостивый Государь, это ты топнул ногой? Нет, это не Милостивый Государь. Уж не Чир ли это вздумал пошутить? Да нет, не Чир, вон он, Чир, включил задний ход и отправился неизвестно куда. Тим-Тирим, Пиук, братья, вы здесь? Мититаки, куда это ты помчался со своим кольцом? Да куда же вы все поразбежались? Стоит топнуть ногой, как у вас душа в пятки уходит! А это что за шляпа идет сама собой? Это, наверное, мой китайский друг Ку Фу. Вечно он прячется под какой-нибудь шляпой, а когда ему надоедает сидеть там, скрючившись, он пускается в путь, а вместе с ним идет и шляпа. Нет, это не Ку Фу, это Лапки Вростопырку.

А вот и кот появился, идет и мурлычет. Не иначе, придумал, как меня поймать. О, эти коты, это что-то ужасное! Только начнешь рассказывать публике о своих боевых подвигах, как тут же появляется какой-нибудь кот и норовит затмить твои подвиги. Пойду-ка я, пожалуй, со всеми своими подвигами от него подальше. Не такой уж у нас избыток подвигов, чтоб ими разбрасываться и делить свою славу с котами.

ПЕШЕХОД, ЧТО ПОСТОЯННО НАСВИСТЫВАЕТ

«Шагать пешком по свету, свистя беззаботно при этом,— что может быть лучше! Можно непринужденно засунуть руки в карманы и с непринужденным видом шагать по полю. Наморщит ли туча лоб, хлынет ли дождь, ударит ли гром, а ты идешь пешком, свистишь все беззаботней, и не беда, что уши промокли под дождем. Метель завоет, огромные сугробы наметет, а ты идешь через снега пешком и знай свистишь — да можно ли придумать что-нибудь прекрасней! Бледные травинки зеленые носы приподымают, пчела жужжит над свежими лугами, а пешеход идет себе пешком, травинки за его спиной встают упруго, и вся равнина благоухает. Вдыхает глубоко наш пешеход все ароматы молодой травы и беззаботно, радостно свистит.

Вот землю опалает зноем, кричит дергач под солнечными жаркими лучами, стада овец уходят глубже в тень, и птицы, клювы раскрывая от жары, скрываются в густой чащобе, ветер гонит по дорогам вихри пыли, и все живое спасенья ищет под покровом тени. И только пешеход шагает беззаботно по жаром пышущей земле и знай себе свистит. Вот притаился на его пути терновник, колючки выставил и точит зубы, приник к земле и хоп! — вонзает шип свой пешеходу прямо в пятку. Но пешеход хоть и хромает, идет вперед и все свистит непринужденно. На горные взбирается хребты, перед глазами — новые просторы, и так идет он, все идет своей дорогой, и ни препятствий он не знает, ни преград. Шагает пешеход по древней своей земле, шагает, пути не выбирая, и беззаботен, весел его свист!»

Все это продекламировал нам один наш воробей, а потом во всеуслышание заявил, что с сегодняшнего дня он становится пешеходом. Чику смеется:

— Где это видано, чтобы воробей был пешеходом?

— А я стану, вот увидите,— заверил нас будущий пешеход.

Пиуку в целом идея понравилась, но он считал, что, вместо того чтобы беззаботно насвистывать, лучше напевать: «Пиук, пиук, старый турок сидит по-турецки и курит чубук». Мититаки — стреляный воробей, он и на Ривьере бывал и вообще больше нашего видел, так он сказал, что если кто решит стать пешеходом, тому лучше всего приобрести велосипед. На Птичьей Ривьере, например, почти все пешеходы гоняют на велосипедах.

— Ну что ж, может быть, и так, — говорит наш воробей, — только как же зимой ездить на велосипеде по сугробам?

— Так ведь на Ривьере не бывает ни зимы, ни сугробов, — говорит Мититаки.

— На Ривьере-то не бывает, но ведь здесь-то не Ривьера!

И вот наш пешеход спустился с дерева и отправился пешком прямо по полю, а мы посоветовались между собой и дали ему имя Пешеход, Что Постоянно Насвистывает. Он шел по полю и небрежно насвистывал: «Фьюить, фьюить!» Если встречалась на пути впадинка, он исчезал в ней с головой; если попадался пригорок, ныхтя, карабкался вверх, случалось, падал, на первых порах даже коленки себе ободрал, но ни разу не поднялся в воздух. Потом мы видели, как, проходя мимо аистов, он остановился и расспрашивал их о чем-то.

Аисты все, как один, были на красных египетских ходулях. Когда наступает осень, они отправляются в Египет, покупают там себе ходули, а весной возвращаются в наши края. Аисты живут на печных трубах, целыми днями чихают от дыма, а когда проголодаются, берут ходули под мышки и отправляются на болота. Чтобы не промочить поги, они встают на ходули, шлепают направо по болотам и тоням и глотают пупырчатых жаб. Наш Пешеход повертелся возле них, непринужденно расспрашивал их о том о сем, они ему ответили, а под вечер подхватили свои мокрые ходули под мышки и понесли сушить их на печные трубы. А Пешеход отправился восвояси. Тут подденет ногой камень, там подпрыгнет на одной ножке и при этом беззаботно насвистывает. Он

ПЕШЕХОД

сказал мне, между прочим, что не одобряет пешеходство аистов. Он-де и сам пробовал ходить на ходулях, однако сразу же отказался от этой затеи.

— Но,— продолжал он,— вы себе даже не представляете, сколько всякой живности ходит пешком по свету! Весь мир состоит из одних пешеходов! Три миллиарда людей ведут пеший образ жизни, и звери тоже живут пешком, и скот пешком ходит, и пешком же пасется на пастбищах. Все звери — что львы, что тигры,— все живут пешком, и слон тоже, хоть он и самый большой из всех. Я просто счастлив, что стал пешеходом!

Со временем Пешеход выработал небрежную походку, научился засовывать руки в карманы, насвистывать в высшей степени непринужденно и выглядел как самый что ни на есть заправский пешеход. Милостивый Государь заметил по этому поводу:

— Незачем нам вмешиваться, пусть каждый живет своим умом! Я, например, всю жизнь живу своим умом и еще ни разу об этом не пожалел.

Так мы и жили, всё больше на лету, занимались своими делами, а Пешеход продолжал расхаживать по свету пешком и сделался самым яростным защитником пешеходства. Он утверждал, что если бы не было пешеходов, то никто на земле ничего бы не придумал. Пешеход, например, выдумал велосипед, потом изобрел паровую машину, понаделал поездов и автомобилей, пароходов тоже понастроил, поскольку пешком по океану не пройдешь. Ко всему прочему пешеход еще и провода придумал. Понадобится ему, к примеру, поговорить с другим пешеходом, что по ту сторону холма, так он не побежит к нему сам, а сядет на одном конце провода и давай кричать: «Алло!», а из-за холма ему тоже крикнут: «Алло!» В своих поездах и автомобилях пешеход сидит самым что ни на есть пешеходным образом, те доставляют его куда нужно, а дальше он продолжает путь или пешком, или на лифте. «Мы же, воробышки,— говорил нам Пешеход,— ни поездов не выдумали, ни автомобилей, а про пароходы и говорить нечего!..» Так он целыми днями рассказывал нам о пешеходах, небрежно насвистывал, а

у каждого встречного пешехода выведывал пешеходные новости — у пешеходов ведь и новости пешеходные.

Конечно, сначала мы немного стеснялись нашего Пешехода. Все, у кого были крылья, показывали на него пальцем и пренебрежительно говорили: «Полюбуйтесь-ка, воробей-пешеход!» Было и вправду немного неловко, но все-таки это был наш воробей, и мы не могли от него отвернуться. В скором времени нам предстоял коллективный перелет через реку Дунай, мы собирались полететь туда все вместе, осмотреть румынский город Турну-Мэгурэле и в тот же день вернуться обратно. Мы решили, что сможем произвести там впечатление, если возьмем с собой Чира, — вряд ли у них есть воробей, который умеет летать задним ходом. Толстопузик с Запяташкой, Смрадовранка со своим переплетенным журналом, Куцая Фуфайка и Лапки Вростопырку тоже намеревались лететь с нами. Если бы к нам присоединился еще и Пешеход, то они все там просто попадали бы от удивления. Организацию перелета взял на себя Мититакки, который был человеком сведущим и умел пустить пыль в глаза, особенно своей соломинкой.

В день перелета нас трудно было узнать. Смрадовранка явилась со своими тысячью тремьятами бантами и французским иллюстрированным журналом 1903 года. Мититакки снова вад-вперед, отдавал распоряжения, и все ему подчинялись. Даже Милостивый Государь отказался на время от своих замечаний, а только покрикивал: «Кучнее, ребята, кучнее!» Мы летели кучно, держались все вместе, а внизу под нами подирыгивал Пешеход, беззаботно насвистывая себе под нос. Чир, который дружил с ним, часто возвращался к нему задним ходом и его подбадривал, хотя Пешеход в этом и не нуждался.

Так мы летели до самого Дуная, а там спустились вниз, чтобы помочь Пешеходу, — сам он никак не смог бы перебраться на другой берег. Пиук и его двоюродный брат Тим-Тирим перенесли его через реку и на другом берегу снова поставили на землю. Потом мы устроили короткий привал и попили воды из Дуная.

— Да, много воды, милостивый государь, много! — качал головой Милостивый Государь.

Смрадовранка была счастлива до безумия, что перелетела через такую широкую реку и не замочила ни одного банта.

Все прошло хорошо, и мы отправились в Турну-Мэгуреле. Тамошние воробьи так и ахнули, увидев нас. Чир кружит на заднем ходу, Пешеход шагает по дороге и беззаботно насвистывает. Толстопузик пыхтит, как паровоз. Пиук и Тим-Тирим без умолку напевают веселые песни, Ку Фу все время одергивает свою куцую фуфайку, Лапки Врastoпырку так растопырил свои лапки, что они высунулись из Турну-Мэгуреле, Мититакки демонстрирует, как пить воду через соломинку, а Милостивый Государь ступает важно-важно и для пущей солидности то и дело откашливается. Смрадовранка своими тысячью тремястами бантами подняла такую пыль, что половина Турну-Мэгуреле скрылась из виду, вместе с одной лапкой Лапок Врastoпырку в придачу.

Румынские воробьи столпились, качают головами, принимают нас как и подобает, забрасывают вопросами, ахают и удивляются. Еще бы — у них нет ведь ни пешеходов, ни воробья, который летал бы задним ходом, никто из них не пьет воду через соломинку, а только по старинке — клювом. Подали они угощение из крошек, принялись нас потчевать. Угощали нас по большей части крошками от мамалыги, а одна воробьица Флорица все вертелась около Милостивого Государя и все приглашала его:

— Милости просим, домнуле¹, отведайте эту крошку!

— Отведаю, отведаю! — важно отвечает Милостивый Государь и восседает среди крошек как самый настоящий домнуле.

Остальные расспрашивают Смрадовранку о ее бантиках и о модном журнале 1903 года, а она объясняет все одним только словом «иль ву пле»².

Нам показалось, что румынские воробьи употребляют в своей речи много французских слов. Они там все

¹ Господин (*рум.*).

² Пожалуйста (*франц.*).

В Турну-Мэгуреле

изучают французский язык, полагая, что он более европейский, чем наш, и что как только они его выучат до конца, так станут настоящими европейцами. Румынские флорицы держатся очень свободно, на европейский манер, не то что наши воробьихи, которые совершенно не умеют держаться по-европейски. Все воробьихи у них носят подвязки, а одна была даже с двумя подвязками. А мы и не знаем толком, что такое подвязки, потому что ходим босиком.

— Если бы вы попали в Бухарест, то своими глазами увидели бы, что это за чудо. Бухарест — это маленький Париж! — сказали нам флорицы.

Наши воробьи ездили в Париж Восточным экспрессом, и мы их спрашивали, не слыхал ли кто, чтобы Париж называли Большим Бухарестом, но они ответили без колебаний, что ничего подобного не слыхивали.

На прощанье воробьи из Турну-Мэгуреле сказали:

— Надо же, какого развития достиг народ! А мы тут у себя в Турну-Мэгуреле только и умеем, что крошки клевать, и никто из нас ни пешком не научился ходить, ни задним ходом летать. Вот разве что планы строим в город Тўлчу слетать, но так еще и не полетели.

Милостивый Государь ответил им на это так:

— То, что вы строите планы, это хорошо! Настоящий человек всегда строит планы! Мы, например, каких только планов не строим, но говорить об этом еще рано.

Итак, в Турну-Мэгуреле мы себя показали во всем блеске.

На обратном пути мы болтали, обменивались впечатлениями и пришли к выводу, что и в самом деле нет пророка в своем отечестве. Мы тут посмеиваемся над своими чудачествами, а получается, что как раз эти самые чудачества и есть предмет нашей гордости и что даже Милостивый Государь за границей стал домнуле Милостивый Государь.

Так закончился наш перелет через Дунай, и мы снова стали жить, как жили раньше. Только Пешеход нет-нет

да и шепнет мне на ухо: «Знаешь, Джифф, когда пешеход идет и беззаботно насвистывает, на душе у него становится так легко и светло, что ему хочется полететь! Я чувствую это вот здесь, в груди. Не знаю, как это объяснить, но это так!»

МИТИТАКИ

Я как-то говорил уже вам, что у Мититаки на Штичьей Ривьере был дядя, некий господин Фр.Т.Мититаки, что сам Мититаки летал к нему в гости и с тех пор как вернулся, пил воду исключительно через соломинку, мы же продолжали пить по старинке — клювами.

— И что вы за эту старину держитесь! — говорит нам Мититаки и знает потягивает через соломинку.

Но мы от своего обычая никак отказаться не можем, потому что с самого сотворения мира воробей пьет воду только так: наклонится, зачерпнет клювом глоток и поднимает голову вверх — благодарит небо за то, что оно посылает нам дождь и не дает воробьям помереть от жажды. Может, мы, воробьи, и простой народ, необразованный, может, мы и по старинке живем, но мы и по сей день не забываем за каждый глоток благодарить небо.

Мититаки же и не думает благодарить, напьется через соломинку, сунет ее под мышку и отправляется на прогулку. Смордованка увивается вокруг него, подымает пыль своими тысячью тремястами бантиками и подбивает Мититаки написать дядюшке, чтоб тот прислал ей новый бантик в полосочку цвета перванж.

— Да мне стоит только заикнуться насчет бантика! — важно-важно отвечает Мититаки, однако же дяде не пишет.

Но Сморованка не теряет надежды и так обхаживает Мититаки, что смотреть тошно. Когда пришло время аистам улетать на юг, Мититаки несколько раз сходил к ним и надавал им разных поручений к своему дяде. Аисты обещали все поручения передать и улетели.

Мы расспрашивали Мититаки, что же это за поручения, а он отвечает:

— Погодите, вот придет от дядюшки посылка, тогда увидите!

Смордованка перебралась на жительство поближе к Мититаки, а чтоб время проходило незаметно, принялась листать свой французский журнал 1903 года. Милости-

вый Государь заметно помрачнел и, где бы кого ни встретил, лишь бросал на встречного свирепый взгляд и произносил еще более свирепо: «Гм-гм!»

Наступил конец лета, все вокруг было выжжено зноем, природа затаилась, затихла, всеми овладела какая-то лень. Один только Чир весело насвистывал и хлопотал без устали, собирая сухой паек на три недели, поскольку он задумал слетать на Луну, а дорога на Луну и обратно должна была занять, по предварительным расчетам, около трех недель. Тим-Тирим взялся ему помогать, но помогал больше песнями, крутился рядом и щебетал: с песней, мол, и работа спорится, — но, по правде сказать, за десять дней он притащил Чиру одно-единственное насекомое, к тому же такое высохшее, что об него зубы можно было сломать.

Мы намекнули на это Тим-Тириму, а он знай щебечет и, щебеча, объясняет нам, что если насекомое вымочить в воде, его можно будет использовать в пищу.

— Хорошенькое дело! — говорим мы. — Это значит, Чиру, вместо того чтобы лететь к Луне, придется посреди дороги размачивать твое насекомое и ждать, пока оно станет съедобным!

Однажды утром, рано-рано, Мититакки получил от своего дяди, Фр.Т.Мититакки, посылку в блестящей обертке.

— Ах! Ах! — заахала Смрадовранка, закатывая глаза и вслескивая руками.

Даже Милостивый Государь оживился, выглянул из своего гнезда, покосившегося, словно турецкая черепица, и говорит:

— Посмотрим, милостивый государь, что там за диковинки такие!

И мы все столпились вокруг посылки, чтобы посмотреть, какие чудеса прислал с Ривьеры Фр.Т.Мититакки.

Сначала Мититакки вытащил из посылки жвачку и объяснил, что жвачка эта совершенно особенная, великое достижение цивилизации, ведь она совсем не такая, какая встречалась в старину. Та жвачка, старинная, чем дольше ее жуешь, тем тверже становится, и в конце концов приходится ее выплевывать. А эта жвачка, изобретенная

цивилизацией на Птичьей Ривьере, вот какая: чем дальше ее жуешь, тем больше она растягивается, пока не превращается наконец в воздушный шарик. «Ах! Ах!» — забила крыльями Смрадовранка, и Мититаки подарил ей обертку, заверив, что эта обертка как раз и есть бантик, который она просила. Смрадовранка тут же нацепила новый бант и отправилась на прогулку, выступая несколько боком, чтобы ее бант всем бросался в глаза.

Мититакин дядюшка, кроме жвачки, прислал ему с Птичьей Ривьеры еще и крошку. Натура у Мититаки широкая, так что он всем нам позволил и посмотреть на крошку и понюхать ее. Ку Фу, или Куцяя Фуфайка, очень удивлялся крошке и вынужден был признать, что в Китае таких крошек нет.

— Еще бы! — пренебрежительно сказал ему Мититаки. — Китай вон где, а Птичья Ривьера — вон где, расстояние как от неба до земли!

Что правда, то правда, крошка была совершенно необычная, совсем не похожая ни на наши крошки, ни на румынские. Румынские крошки чаще всего бывают мамалыжные; тамошние воробьи, как правило, крошками от мамалыги питаются.

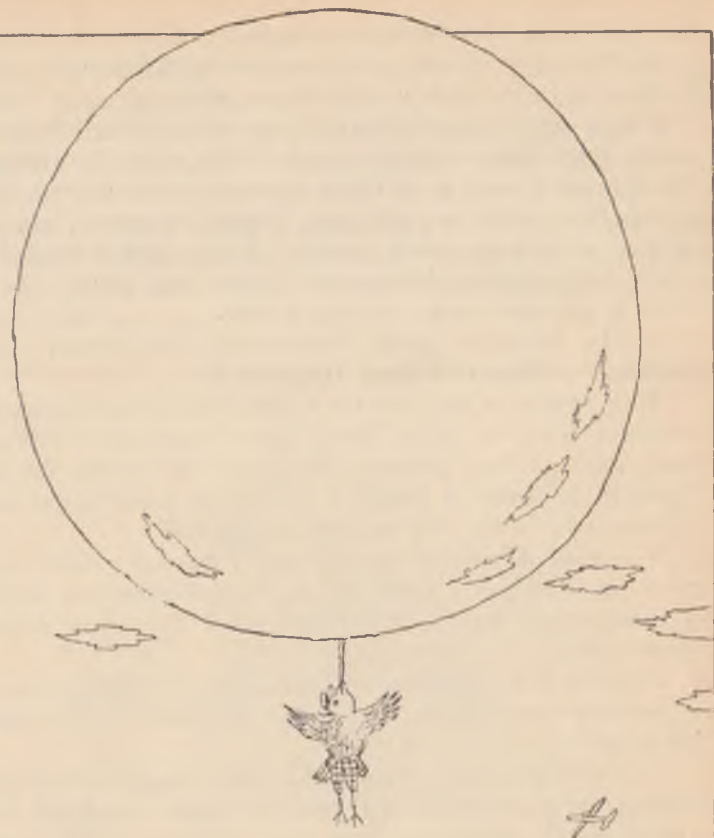
Мититаки отложил крошку, чтобы показать нам, что представляет собой новомодная жвачка. Он сел на край гнезда, сунул свою соломинку под мышку и принялся жевать, но никакого воздушного шарика не получалось. Два раза он отлучался, чтобы попить воды через соломинку, и только когда напился в третий раз, вернулся и снова уселся на край гнезда, из его клюва показался маленький пузырь. Мититаки жевал изо всех сил, жевал и дул, и пузырь становился все больше. Смрадовранка забила крыльями и закричала:

— Ах! Ах! Ах!

И даже Милостивый Государь, несмотря на всю свою мрачность, воскликнул:

— Браво, милостивый государь!

Пузырь раздувался все больше и больше, а Мититаки все жевал и жевал, потому что хотел показать нам, какое чудо из чудес прислал ему дядюшка.

70

Вылитый граф Цеппелин!

— Смотри, как бы этот пузырь не лопнул и всех нас не раскидал! — стали мы урезонивать Мититаки, но он лишь мотнул головой и продолжал жевать.

И тут вдруг Смрадовранка крикнула: «Ах!» — и выронила свой французский журнал 1903 года. Глянули мы, а воздушный шар, в который превратилась жвачка, приподнял Мититаки над гнездом. Теперь он висел, держась за шар и не переставая жевать. Ветер легко подхватил воздушный шарик, Мититаки сделал над нами два-три круга и понесся вверх, прямо в небо.

— Ну вылитый граф Цеппелин! — закричала Смрадовранка. — Вылитый граф Цеппелин!

Шар уносился все дальше в небо, мы все от изумления разинули рты, и даже Тим-Тирим перестал щебетать. Поначалу мы еще видели Мититаки, но потом он превратился в точку и исчез, а вскоре и шар, постепенно уменьшаясь, тоже стал выглядеть точкой.

И только он превратился в точку, высоко в небе что-то треснуло — тр-рах! — так что мы все вздрогнули и чуть не вывалились из гнезд. Милостивый Государь первым подал голос:

— Нельзя ли потише, милостивый государь? Если мы все начнем так трещать, что ж это получится, милостивый государь?..

— Что случилось? Что случилось? — наперебой спрашивали мы друг друга, а Куцая Фуфайка, знавший толк в воздушных шарах, потому что в Китае этих шаров полно, сказал:

— Шар Мититаки лопнул. Если шар слишком сильно надуть, он лопается.

— Ух ты! — сказали мы. — Из-за какой-то жвачки погиб наш Мититаки.

А Милостивый Государь добавил:

— Такие-то дела, милостивый государь, Мититаки пал жертвой цивилизации.

Мы разошлись каждый по своим делам, и лишь под вечер, когда, усталые, мы возвращались домой, кто пёхом, кто лётком, мы услышали, как что-то в небе засвистело — фью-у-у! — пролетело мимо нас и упало на землю. Мы все

кинулись к этому месту и увидели, что упала соломинка, которую Мититакки принес когда-то с Птичьей Ривьеры. Это было единственное, что уцелело после того, как лопнул воздушный шар. Увидев соломинку, мы все до одного загрустили, а Смарадовранка даже прослезилась, потом взяла новый бантик и вытерла им слезу, но ни ахать, ни всплескивать крыльями не стала. Даже Милостивый Государь воздержался от своих обычных замечаний, съежился в гнезде и лишь многозначительно хмыкнул себе под нос: «Гм! Гм!»

СЛЕЖКУ ВЕДУТ ВОРОБЬИ

Мы постоянно вращаемся в птичьем свете, всюду суем свой нос, все видим и из всего извлекаем для себя урок. Аист, к примеру, не может всюду совать свой нос, потому что он забрался на высокие египетские ходули и его за сто километров видно, а мы, мелюзга, за самой малой травинкой можем укрыться и незаметно наблюдать за чем угодно. Или, как говорит Пешеход, Что Постоянно Насвистывает, мы прирожденные разведчики! От постоянных наблюдений глаз наш зорек, все чувства обострены, а уж что до проницательности, тут мы любой птице сто очков вперед дадим.

Так нам казалось, однако же недаром говорится: век живи — век учись. Рядом с нами поселилась новая соседка — сорока, болтливая, как сорока, и принялась строить себе гнездо. Притащила два веза веток с колючками, закрепила их на дереве и построила такое гнездо, словно она не гнездо соорудила, а ангар.

Чтоб ее не мочил дождь, она возвела над ангаром крышу и прорубила две двери — через одну входила, через другую выходила. Мы уже думали, что сорокий ангар готов и что теперь сорока снесет яйца и примется их высиживать. Однако она продолжала обустривать свое жилище, несколько дней таскала с реки мокрую землю, обмазала ею гнездо, а когда пол у нее просох, стала летать по всей округе и искать для своего дома всякие украшения. Где лоскуток подберет, где веревочку, где чужое перышко — никогда с пустыми руками не возвращалась и все, что подбирала, складывала в свой ангар.

Милостивый Государь несколько раз попрекал ее:

— Ты, милостивый государь, из своего гнезда пункт по сбору утильсырья устраиваешь, чего ты только туда не патакала!

А сорока знай стрекочет, в одну дверь войдет, из другой выйдет, умчится в лес, а потом смотрим — летит обратно, и в клюве у нее шерсть. Неслыханное нахаль-

СОРОКА

ство! Тим-Тирим видел, как она, для того чтобы обставить свой дом, дерет шерсть с овец. Люди выгнали овец на пастбище, а сорока тут как тут: у одной овцы отщипнет клочок, у другой отщипнет, и только ее и видели. Мы, воробьи, хоть купаться будем в шерсти, а чужого не возьмем, сорока же берет без зазрения совести.

Так или иначе, сорока в конце концов обставила свое знаменитое гнездо, снесла яйца и принялась их насиживать. Однако же насиживает она яйца не втихомолку, как мы, воробьи, а как раз наоборот — болтает целыми днями, так что у Милостивого Государя даже уши заболели! Смрадовранка как-то пришла к ней показать свои бантики, а сорока принялась хохотать и хохотала до тех пор, пока Смрадовранка не обиделась и не улетела вместе со своими бантиками. Только теперь мы поняли, зачем в сорочьем ангаре две двери. Сорочий хвост-то торчит из гнезда на три километра, вот сорока и устроила вторую дверь: из одной хвост торчит, из другой — голова.

Сидит она, стало быть, в гнезде, насиживает яйца, а мы летаем вокруг и за ней следим. Следить-то, собственно, не за чем было, но мы следили на всякий случай, при этом особенно усердствовал Пешеход, Что Постоянно Насвистывает. Ему это здорово удается — вот шагает он себе с самым независимым видом и насвистывает рассеянно — посмотришь на него и подумаешь, что он только тем и занят, что свистит. Однако же он насвистывает, а сам за сорокой следит. А сорока — глупая птица, ей и в голову не приходит, что ее выслеживают. Она небось вот как думает: «Что с этих воробьев взять, они целыми днями за насекомыми гоняются, где уж им за мной следить».

А мы знай следим со страшной силой, и чем больше следим, тем меньше это заметно. Смрадовранка и та слезкой занялась. Сорока думает, что та опять прилетела ей свои бантики показывать, и так хохочет, что хвост у нее трясется, Смрадовранка же корчит обиженную гримасу, а сама в это время следит.

Так продолжалось несколько дней. Как-то утром Чирдохвастался, что ему осталось набрать нищи еще на один

день и он будет готов к полету на Луну. В эту самую минуту в лесу раздался голос кукушки. «Ку-ку!» — крикнула кукушка (это был самец), перелетела на соседнее дерево и снова закричала. Сорока забеспокоилась, вышла из передних дверей своей квартиры и вошла в задние. Кукушка подлетела к сороке, потом уселась на соседнее дерево и давай кричать изо всех сил. Милостивый Государь только было собрался сделать ей замечание, как мы увидели, что к нашей поляне бесшумно подбирается кукушка-самочка. Она тихо-тихо снесла на поляне яйцо и тут же взяла его в клюв. Всем телом она подалась к сорочьему гнезду и следила за сорокой, высматривая, что та будет делать дальше.

Кукушка-папа все сидел на соседнем дереве и дразнил сороку. Пешеход, Что Постоянно Насвистывает, прошелся с беззаботным видом мимо кукушки-мамы, та сделала вид, что выискивает букашек в траве, но яйцо из клюва не выпустила и взгляда от сорочьего гнезда не отвела. В это время сорока совсем уж разволновалась — подумала, видно, что кукушка хочет прогнать ее из гнезда, чтоб самой залезть туда и подложить ей кукушечье яйцо. Ей и в голову не приходило, что дразнит-то ее кукушка-папа и что все это настоящие вражеские козни.

Под конец терпение у сороки лопнуло, она набросилась на кукушку-папу и погнала его по лесу, громко выкрикивая: «Разрази тебя гром, подлая твоя душа!» Кукушка-папа, со своей стороны, вопил: «Ой-ей-ей! Ай-йй-йй!» — но это было чистым притворством, потому что кукушка умеет летать в два раза быстрее, чем сорока.

Как только сорока с криком «Разрази тебя гром, подлая твоя душа!» погналась за кукушкой-папой, кукушка-мама взлетела над поляной и подложила свое яйцо в сорочье гнездо. Потом она со всех ног кинулась в обратную сторону, мы за ней сначала следили, но скоро потеряли ее из виду. Появилась сорока. Прострекотав с горделивым видом: «Этого еще не хватало — в мое гнездо яйца спосить!» — она забралась в свое жилище, хвост ее снова высунулся из задней двери на три километра, и

мы еще долго слышали, как она повторяет с досадой: «Ишь какая! В мое гнездо яйца сносить вздумала, подлая ее душа!»

На Милостивого Государя это происшествие произвело сильнейшее впечатление. «Вот это наука! — приговаривал он, качая головой. — Это всем нам наука!»

Воспользовавшись случаем, я стал объяснять нашим, что хоть мы и ходили в школу, учиться надо всю жизнь, потому что даже самому ученому человеку учености никогда не хватает. Смордованка тоже встряла в разговор:

— Еще бы ее хватало! Я, к примеру, с тех пор как себя помню, читаю французский журнал 1903 года и вижу, что учености мне все еще не хватает, потому что мир постоянно развивается и каждый день кто-нибудь да придумает какой-нибудь новый бантик. Образованный человек не уляжется спокойно спать, пока не узнает последних новостей по части бантиков. Я, например, всегда в курсе последних новинок.

Пешеход, Что Постоянно Насвистывает, тоже принял участие в разговоре.

— На мой взгляд, — сказал он, — это и для нас должно быть хорошим уроком. Лично я три раза прошел мимо кукушки, насвистывая самым беззаботным образом, и с самого близкого расстояния наблюдал, как она выслеживала и высматривала, словно заправский вражеский агент. Мне еще тогда пришло в голову, что враг не дремлет. Вот и сейчас мы тут разговорились вовсю, а очень может быть, что вокруг нас в сумраке шныряют шпионы, выслеживают и подслушивают. Поэтому лучше говорить шепотом, а еще лучше и вовсе прекратить разговор.

Мы все на дереве примолкли. Агенты, кишевшие вокруг, выслеживали и подслушивали, но как они ни смотрели и ни слушали, все равно ушли несолоно хлебавши. Лес утих, откуда-то появился кукушечий брат, сыч, и заухал:

— Ух! Ух!

Сорока заворочалась в своей квартире и закричала сонным голосом:

— Слышал про эту подлую душу, разрази ее гром, которая хотела снести яйцо в мое гнездо?

— Ух, ух! — ответил сыч.

Всю ночь он летал по лесу и всю ночь покрикивал: «Ух! Ух!»

Мы заснули, успели выспаться, а когда проснулись, услышали, что он все еще кричит: «Ух! Ух!» Тим-Тирим рассказал нам, что он всю ночь не спал — у него болело колено.

— Я всю ночь глаз не сомкнул, — рассказывал он, — напевал, но про себя, чтоб какой агент меня не услышал, и думал: а вдруг сыч — тоже агент, повсюду летает да подслушивает? Думал я, думал и додумался: конечно же, сыч — настоящий шпион!

Вот я вам и говорю, что это очень полезно — совать повсюду свой нос, всматриваться во все, что попадется тебе на глаза, и из всего извлекать для себя урок. В противном случае так и останешься на всю жизнь наивным простофилей вроде сороки, будешь думать, что высидишь в своем гнезде великолепных наследников, а когда высидишь, увидишь, что сидел-то ты на чужом яйце, подброшенном в твое гнездо каким-нибудь вражеским агентом.

МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ ОТПРАВЛЯЕТСЯ ТУДА, КУДА ЯЗЫК ДОВОДИТ

У наших братьев, русских воробьев, есть такая поговорка: «Язык до Киева доведет». Мы же от наших дедов и прадедов привыкли слышать: «Язык до Царьграда доведет», а Царьградом в старину назывался город Стамбул. Так вот, Милостивый Государь однажды рассказал нам о своем путешествии в Стамбул, или в Царьград. Было ли дело в точности так, как он нам рассказывал, или не совсем так, не знаю, поэтому я просто перескажу вам эту историю, а читатель пусть сам рассудит, что правда, а что неправда в рассказе Милостивого Государя о его замечательном путешествии. Вот вам рассказ Милостивого Государя в том виде, в каком я его запомнил:

— Как вы, может быть, знаете, у меня давнее пристрастие к Востоку, но для путешествия все как-то не оставалось времени. Много раз собирался я отправиться в Багдад: хотел встретиться с Али Бабой, с сорока разбойниками, со знаменитым Гарун аль-Рашидом, но для такого долгого путешествия все не мог выкроить время. И в Индию неплохо было бы съездить, в Индии ведь все священное — и коровы, и обезьяны, а на первом месте — воробьи. В Индии только человек не считается священным, а все остальное — священное. Вот я и хотел отправиться в путешествие, но дел все время столько, милостивый государь, что дух не успеваешь перевести!

И вот в один прекрасный день я решил: дай-ка смогаюсь хотя бы в Царьград. Царьград тоже на Востоке, но не слишком далеко, и добраться до него нетрудно, потому что только язык для этого и нужен — спрашивай, где Царьград, язык тебя туда и доведет. И я убедился на собственном опыте, что язык и вправду доводит до Царьграда. Тогда как раз поспевали подсолнухи, я присмотрел зрелый подсолнух, уселся на его голову, поджав ноги по-турецки, и стал лущить семечки, поджидая какого-

Язык до Царьграда доведет

нибудь путника, чтобы спросить у него, как попасть в Царьград.

И тот, кого я поджидал, действительно появился на дороге. Я ему говорю: так, мол, и так, и прохожий объяснил мне, как добраться до Царьграда. Потом он пошел дальше, а я сижу себе, лущу семечки и жду, не появится ли еще кто-нибудь, чтоб я мог язык в ход пустить. Вы даже представить себе не можете, сколько прохожих, сколько путников прошло в этот день по дороге, и я ни одного не пропустил — у каждого спросил, где Царьград. Кто не знал, тот просто пожимал плечами, зато кто знал, объяснял мне дорогу со всеми подробностями. Так вот, сижу я себе по-турецки, лущу семечки, и язык мало-помалу подводит меня к Царьграду.

Прошел день, милостивый государь, и вдруг я слышу с дороги шум и гам — дудят трубы, ухают барабаны, звенят бубны. В пыли отплясывают босые танцовщицы, за ними идут вооруженные до зубов солдаты, за солдатами носильщики несут что-то на носилках. Черные негры опахалами отгоняют от носилок мух. Шествие все ближе, ближе и останавливается прямо передо мной. Трубы продолжают дудеть, барабаны ухают так, что в ушах звенит, бубны тоже добавляют грохота, но вот с носилок подается знак, и все стихает.

Когда наступила тишина, я подумал: «Дай-ка я и этих людей спрошу, где Царьград», и я спросил, а с носилок показалась бородатая голова в чалме. «Да это и есть Царьград,— говорит чалма,— я турецкий султан, а со мной великий визирь и вся моя свита». Он дал рукой знак, трубы задудели, барабаны заухали, и шумное шествие двинулось по дороге. Прошло немало времени, пока процессия прошла мимо, потому что свита у султана громадная-прегромадная. Только кончилось это шествие, появился великий визирь — и он на носилках, и он в чалме, и всякого шумного народу за ним не меньше, чем за султаном тянется. А за этим народом еще народ, и весь как есть царьградский, а я, сидя по-турецки на подсолнухе, смотрю сверху на эти толпы и думаю: «Это надо же! Стоило мне решиться, милостивый государь,

язык меня в Царьград и привел! А в Царьграде и на турецкого султана можно поглазеть, и на великого визиря! Конечно, поработать языком приходится немало, пока он тебя до Царьграда доведет, зато на обратном пути даже и спрашивать не надо, потому что вернуться из Царьграда можно и без помощи языка.

Тут встрял Чику.

— Я,— говорит,— думал, что у турок нет султана, а, выходит, у них не только султан есть, но еще и великий визирь!

Милостивый Государь окинул его недовольным взглядом:

— Ты как же это себе представляешь, милостивый государь? Разве могут турки без султана жить? Турки ну никак без султана не могут! Если б они остались без султана, они бы тут же сами сделались и султанами, и великими визирями, и жили бы себе припеваючи!

Выслушав рассказ Милостивого Государя, Смрадовранка воскликнула:

— Я б на твоём месте не стала возвращаться, а дальше отправилась бы в Багдад!

— И верно! — сказали мы все хором.— Надо было тебе и до Багдада добраться, от Царьграда не так уж и далеко!

— Недалеко-то оно, может, и недалеко,— отвечает нам Милостивый Государь,— но Багдад — это тебе не Царьград: чтобы туда попасть, одного языка мало.

ДАЛЬНИЙ ПЕРЕЛЕТ

Когда пошли разговоры о полете на Луну, Чир первым из нашей братии заявил, что тоже полетит на Луну и что он начинает усиленно готовиться к полету. Все расстояние он собирался пройти задним ходом и полагал, что так ему легче будет преодолеть лунное притяжение.

Если воробью случается поставить перед собой летательную задачу, все остальные воробьи немедленно принимаются ему помогать. Среди нас не было ни одного человека, которого не волновал бы предстоящий полет Чира, и все старались хоть чем-нибудь ему подсобить, даже Милостивый Государь несколько дней чертил что-то клювом на песке, занимался какими-то расчетами и под конец заявил, что Чир должен лететь по параболе. Чир не задумывался над тем, по параболе ему лететь или еще как, но когда Милостивый Государь показал ему свои расчеты, сказал, что, вероятно, полетит по параболе.

— Конечно же, — с воодушевлением хлопал его по плечу Милостивый Государь, — конечно же, по параболе, милостивый государь! Неужели же мы допустим, чтоб ты летел, как невежда какой, без параболы!

Многие из нас дежурили у железнодорожного полотна и поджидали там поезда. Из проходящих поездов пассажиры выбрасывали иной раз обрывки газет, мы подбирали их и потом устраивали коллективную читку. Очень часто на обрывках газет писалось о полете на Луну, о приготовлениях к нему и о предстоящих трудностях. Видно было, что дело это впрямь нелегкое. Пешеход, Что Постоянно Насвистывает, утверждал, что если б к Луне вело шоссе или хотя бы козья тропка, он бы сходил на Луну пешком и пешком же вернулся: просто сунул бы руки в карманы, насвистывал бы в высшей степени небрежно и потихоньку-полегоньку добрался бы до Луны. Но поскольку к Луне не проложено ни шоссе, ни даже козьей тропы, ясно было, что Пешеход не сможет предпринять подобного путешествия.

Чир лично по сто раз проверил все необходимое для

полета, провел корректировку параболы, Милостивый Государь наблюдал за точностью расчетов и с такой уверенностью вносил исправления, словно всю жизнь только тем и занимался, что снаряжал воробьев на Луну. Смрадовранке тоже не хотелось остаться в стороне от нашей колготни, и она нашла себе занятие. Она решила, что лететь надо с оглядкой на гороскоп и подобрать время полета, соответствующее знаку Чира. Чир родился под знаком Близнецов. Смрадовранка куда-то слетала, принесла в клюве ключок бумаги и объявила, что притащила нам обоим Близнецов. Взглянув на бумажку, мы, однако же, увидели на ней лишь пол-Близнеца. Все же это не помешало Смрадовранке погадать на пол-Близнеце и предсказать успех полета на Луну. Что правда, то правда — Смрадовранка гадала лучше любой цыганки. Чир положил пол-Близнеца в свой багаж и был страшно рад, что его знак предвещает успешный полет.

Я уже говорил, что Чиру помогали все без исключения. Двоюродные братья Пиук и Тим-Тирим вместе с Куцей Фуфайкой два дня обшаривали окрестности и наконец, пыхтя, притащили конскую подкову. «Пиук, пиук, старый турок курит чубук!» — пел Пиук, а двое других ему подпевали.

— Конская подкова принесит счастье, — сказал Пиук, — поэтому мы дарим ее тебе. Возьми ее с собой в дорогу, и она будет тебе талисманом, а когда достигнешь цели, прибей подкову к Луне, чтобы люди, взглянув на подкову, сказали: «Ох, уж эти воробышки, обогнали нас, вон на Луне их подкова!» — а мы им скажем: «Ведь подкова приносит счастье!»

Наш Чир прослезился от умиления. Будь он один, едва ли он сумел бы запасть всем необходимым. Полет его — туда и обратно — должен был продолжаться три недели. На эти три недели нужен был сухой паек и множество других припасов. Поэтому каждый из нас помогал Чиру — кто нес крошки, кто насекомых, кто песок для пищеварения. Как-то к нам прилетели румынские воробы из Турну-Мэгуреле, старые наши знакомцы еще по перелету через Дунай. Они прослышали о готовящемся

полете, принесли в подарок Чиру крошку от мамалыги и хотели обменяться информацией. Воробьи из Турну-Мэгуреле производили пробный полет до Тулчи, и полет прошел успешно: они добились того, что все тулчинские собаки охрипли от лая.

— Уж коли наш полет до Тулчи прошел успешно, — заверяли нас они, — то ваш полет на Луну тем более завершится успехом!

— Еще б ему не завершиться успехом, — ответил им Милостивый Государь, — ведь мы полетим задним ходом и по параболе. Вы-то летели до Тулчи безо всякой параболы, и в этом деле, милостивый государь, не вам с нами тягаться!

Воробьи из Турну-Мэгуреле признались, что они летели без параболы, поскольку от Турну-Мэгуреле до Тулчи не так уж далеко, можно и без параболы обойтись.

— До Тулчи куда ни шло, — Милостивый Государь покачал головой, — а вот попробуй-ка в Брэилу слетать, посмотрю я, как вы без параболы обойдетесь!

— Верно, домнуле, — согласились воробьи из Турну-Мэгуреле, — до Брэилы без параболы ни о чем не долететь.

Румынские воробьи улетели восвояси, попросив на прощанье известить их об успешном завершении полета на Луну, и мы обещали их известить. Еще несколько дней прошло в усиленной подготовке. И вот, когда никто этого не ждал, вдруг видим: бежит, запыхавшись, Пешеход, Что Постоянно Насвистывает.

— Обскакали нас! — закричал Пешеход, и мы все столпились вокруг, чтобы узнать, кто же это нас обскакал.

Чир побледнел как полотно.

Пешеход, Что Постоянно Насвистывает, рассказал, как он отправился в поле ловить букашек. Вот идет он и насвистывает в высшей степени беззаботно, а сам пронзает взглядом каждый стебель и каждый колос, потому что именно там прячутся букашки. Таким образом подошел он вплотную к жаворонкам, а жаворонки все, как один, нацепили себе на головы хохолки. Один жаворонок, важный-важный, ступает на цыпочках, то и дело охорашивается, а вокруг — суета, все его оглаживают, все

проверяют, крепко ли у него держатся перышки, и толкуют о каком-то полете. Пешеход подошел еще ближе, не переставая насвистывать, и будто бы между прочим спросил, о каком полете речь.

— Да на Солнце,— говорят ему жаворонки.— Наш жаворонок летит на Солнце и обратно.

Пешеход смотрит: жаворонок ни еды не припас, ни песка для пищеварения, поэтому он спросил, как жаворонок думает питаться в полете.

— Бутербродом,— ответили жаворонки.— Он летает очень быстро, так что бутерброда ему как раз хватит слетать до Солнца и обратно.

— Он по параболе полетит? — спросил Милостивый Государь.

— Без параболы,— сказал Пешеход, Что Постоянно Насвистывает.

— Значит, не долетит! — твердо сказал Милостивый Государь, вылез из гнезда и полетел прямо в поле.

Мы — за ним.

На поле действительно царил суматоха. Мы заняли позицию на ближнем дереве — приготовления в хлебах уже подходили к концу, — и наконец увидели, как один жаворонок полетел вверх, прямо к Солнцу. Скоро мы потеряли его из виду. Мы приуныли, повесили головы, а жаворонки загалдели и закинули головы вверх, к небу.

Не помню, сколько времени просидели мы так, опустив головы, как вдруг вблизи послышалось «шлеп!» — и мы увидели в хлебах того самого жаворонка. Его сородичи столпились вокруг, заахали, забили крыльями. Жаворонок, полетевший к Солнцу, лежал среди хлебов бездыханный, весь обуглившийся.

— Так я и знал,— сказал Милостивый Государь.— Солнце очень горячее, нельзя лететь прямо на него, к тому же с одним лишь бутербродом. Здесь, милостивый государь, парабола нужна, кружным путем надо лететь!

Он ободряюще похлопал Чира по плечу, и мы вернулись на наше дерево, чтобы закончить последние приготовления. По дороге мы вели оживленную беседу и пришли к выводу, что были правы, выбрав Луну, потому

что Луна холодная, по ней хоть босиком ходи — не обожжешься, так что можно обойти всю ее поверхность, основательно изучить и на остатках сухого пайка вернуться назад.

На следующий день мы поднялись очень рано и еще раз осмотрели все необходимое для путешествия. Милостивый Государь, не знаю уж в который раз, проверил параболу и сказал, что за нее ручается, весь багаж был упакован, прилетела и Смрадовранка с тысячью тремястами бантиками, разукрашенная, как новогодняя елка. Чир по очереди пожал всем нам руки, мы старались держаться мужественно, хотя у многих выступили слезы — очень уж волнующей оказалась эта минута. Чир махнул нам рукой, подпрыгнул и задом наперед взлетел на свой багаж.

Багаж его был величиной со стог сена. Чир постоял на верху стога, осмотрел горизонт, кинул взгляд на бледный диск луны и крикнул:

— До свидания!..

— До свидания! До свидания! — закричали и мы. — Счастливого пути и благополучного возвращения!

А Смрадовранка кричала по-французски: — Бон вужа!¹

Чир поднатужился, всплеснул крыльями, но стог под ним не шелохнулся.

— Ух ты! — воскликнул Милостивый Государь. — Давайте-ка мы все поднатужимся, поможем Чиру оторваться от земли.

Мы поплевали на руки, поднатужились, однако же стог ни с места.

— Что ж теперь делать? — спрашивал Чир сверху.

— Подумаем, — сказали мы и принялись летать вокруг и думать.

Какое-то время мы думали, потом снова поднатужились, но стог с места не сдвинули. Милостивый Государь взлетел наверх к Чиру, снова вычислил параболу и сказал:

¹ Счастливого пути!

СУХОЙ ПЛЕК НА ТРИ НЕДЕЛИ

— Странно! Парабола верна, а взлететь не можем! Что-то тут не так, милостивый государь!

Должен признаться, что когда наступила ночь, мы все еще сустились вокруг Чира и его багажа. Так, в стоге, мы и переночевали, и следующую ночь ночевали там же, и даже уж не припомню, сколько еще дней и недель ломали мы голову над тем, как же оторвать этот проклятый стог от земли. И теперь, если вы пройдете рядом со стогом, то увидите, как мы ломаем голову. Но мы ни на минуту не потеряли надежды на то, что когда-нибудь Чир все же полетит на Луну со всеми крошками, собранными для полета, со всеми насекомыми, а также с конской подковкой на счастье, с юл-Близнецом и песком для пищеварения; сложить все это, одно к одному, как раз и наберется сухой паек на три недели.

О ПУГАЛАХ

Один год долго не было дождей, и люди не могли засеять поля. Мы по уши погрузились в свои заботы, то одно надо сделать, то другое, и до засухи у нас никак не доходили руки. Наконец Пиук и Тим-Тирим сказали:

— Давайте-ка отложим свои дела и поворожим — дождь вызовем, не то эта засуха все погубит!

Известное дело — кто, кроме нас, о дожде позаботится!

А нам не впервой к ворожке прибегать. Если мы хотим вызвать дождь, вся наша братия бросается в пыль и гомонит хором: «Чик-чирик-тананик!» И только мы выкупаемся в пыли, на краю неба появляется мрачная туча, подползает все ближе, и уже издали слышится гром. Так было и на этот раз. Мы выкупались, туча появилась над горами, постояла там и громыгнула два раза — предупредила, что идет наказывать нас за ворожку. Туча все собой накрыла, но нас так и не нашла — мы притаились в укромных местечках. Под конец она разозлилась, выстрелила из пушки по одному дереву, дерево расколосось пополам и загорелось. Потом туча пошла дальше своей дорогой, рыча и оглядываясь, а мы отряхнули перышки, выкупались в луже и отправились на охоту за насекомыми.

Одна только Смрадовранка не пошла на охоту, потому что дождь намочил все ее бантики. Она развесила их сушиться на солнце, а тем временем земля пообветрилась, и наступила самая подходящая для пахоты пора. Народ разбрелся по полям, принялся пахать и сеять, аисты бродят на своих ходулях по пашне, а мы обратили внимание на одного мужичонку, который уже кончил пахать свое поле и все время озирался. Другие крестьяне вснахали свои поля и стали сеять просо, а мужичонка пахать-то кончил, но сеять не начинает. Чикку говорит:

— Он нас боится, поэтому не сеет! Пойдемте напугаем его еще больше!

Мы подхватились, вылетели тучей из леса и с криком

«Пш-ш-ш!» пронеслись у мужичонки над головой. Тот до того испугался, что сел на землю, а мы развернулись и спикировали прямо на него. Два-три раза пролетели мы над ним, а потом устроились на дереве так, чтоб не упускать мужичонку из виду. Пешеход, Что Постоянно Насвистывает, прошел мимо него с самым независимым видом, все обсмотрел и снова вернулся к нам. Мужичонка спял шапку, похлопал ею по колену и почесал затылок, не переставая при этом повторять.

— Сеять мне просо или не сеять?.. Посею — воробьи выклюют, не посею — жать будет нечего! Сеять или не сеять? Пожалуй, все-таки сеять!

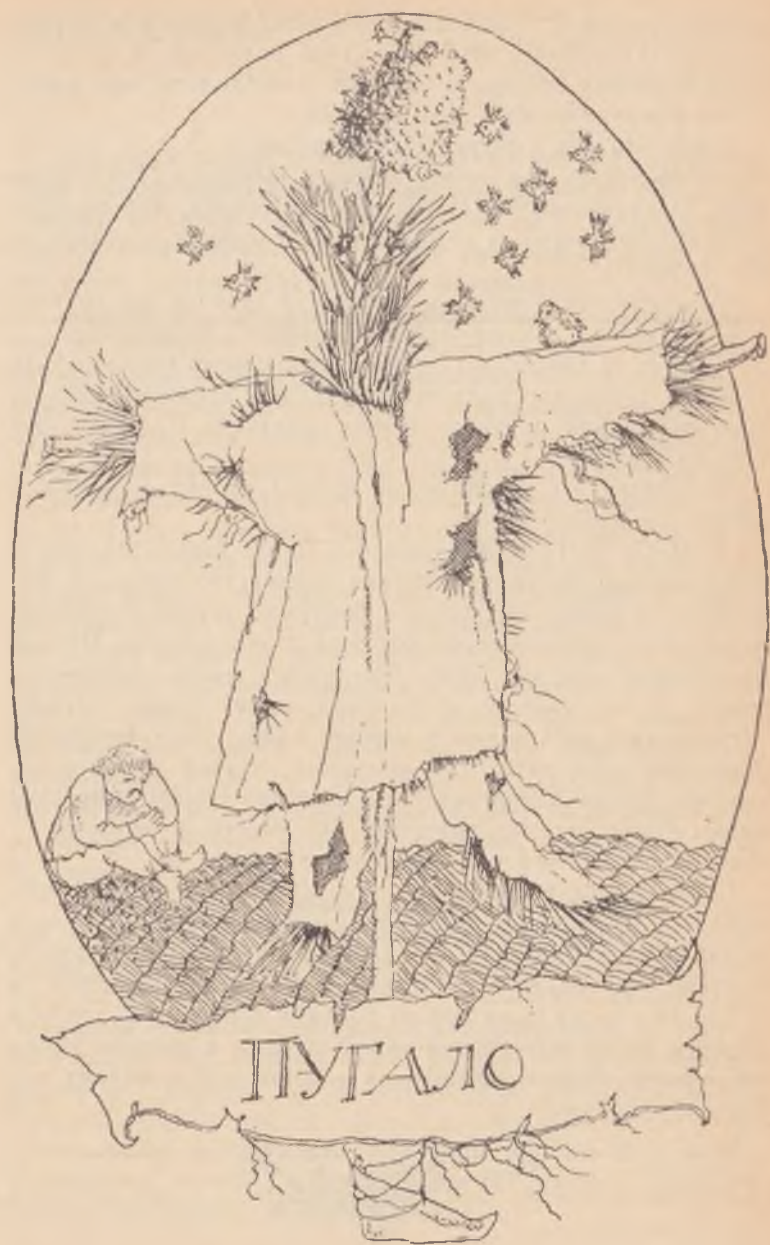
Он встал, собираясь сеять, а мы снова спикировали на его поле и зашумели изо всех сил: «Пш-ш-ш!» Мужичонка раздумал сеять, снова сел на борозду, почесал затылок и примолк. Пешеход, Что Постоянно Насвистывает, снова прошелся мимо него с самым независимым видом, он как бы случайно там оказался, все обсмотрел и вернулся к нам.

— Молчит и почесывается, — сказал нам Пешеход, — верно, что-то придумывает. Когда человек почесывается, это значит, он думает. Человек не то что воробей — он не может думать, не почесываясь. Чем усердней человек почесывается, тем больше он всего надумает.

Наш Пешеход ведь в пешеходном мире возвращается, вот он все пешеходные тонкости и изучил. Пешеход авторитетно объяснил нам, что мужичонка в поле занялся обдумыванием и что мы в ближайшее время увидим, что он придумал.

— Ну прямо — думает! — возразил Милостивый Государь. — Ничего он не обдумывает, домнуле, просто мы его напугали до полусмерти. Вот увидите — не станет он сеять просо!

Пока Милостивый Государь высказывал свою точку зрения, мужичонка вскочил, воткнул в распаханную землю стрекало, привязал к его верхней части оглоблю так, что получился крест, потом снял с себя рубаху и надел ее на крест. На конец стрекала он нацепил свою шапку, помедлил, почесался и снял с себя штаны тоже. Набил

ПУГАЛО

одежду соломой, подвязал веревками, порвал в нескольких местах рубаху, чтоб болтались лохмотья, и в одних подштаниках отошел в сторону — поглядеть, как смотрится посреди пашни дело его рук.

Дело его рук смотрелось прекрасно.

— Испугать нас хочет, — сказал Пешеход, Что Посто-янно Насвистывает. — Когда человек боится, что воробьи склюют его просо, он снимает с себя одежду и делает из нее пугало.

Милостивый Государь вспорхнул, уселся на пугало, клюнул шапку и принялся выговаривать мужичонке:

— Кто ж так делает пугало, милостивый государь! Да если ты хотел нас напугать, надо было ставить пугало с гору величиной, и то мы б еще подумали, пугаться нам или не пугаться.

Услышав это, мужичонка втянул голову в плечи и побрел по дороге в село.

И после этого мужичонка еще долго таскал из села в поле всякую всячину, натыкал множество пугал, и побольше, и поменьше, одни с бантами, другие с трещотками или с тыковками, из которых торчали перья. Пугала заполонили все его поле. На других полях зазеленело просо, а на поле у мужичонки одни только пугала. Мужичонка расхаживает между ними, одно попрямей поставит, если ветер его наклонил, другое воткнет поглубже, третье переставит так, чтоб оно самым свиреным своим боком на нас смотрело. Поглядеть со стороны — покажется, что все поле засеяно пугалами.

Когда наступила осень, все мужики стали убирать просо, а мужичонка подъехал к своему полю на телеге и принялся убирать пугала. Бросил в телегу одно, другое, третье, пока не наполнил телегу по самые боковины, а несколько пугал даже поверх боковин торчали... С тех пор каждую весну мужичонка сажал пугала, а каждую осень их собирал. И больше никогда не сеял просо, потому что боялся воробьев.

АВТОГРАФЫ

Попробуй узнай заранее, когда ты станешь знаменитым! Просто просыпаешься однажды утром и, еще потягиваясь в гнезде, понимаешь, что ты — знаменитость. Спроси тебя кто-нибудь, чем ты знаменит, толком и не ответишь, однако чувствуешь — знаменит!

Разумеется, тот, кто знаменит, намного ценнее того, кто не знаменит... В одно прекрасное утро Пиук проснулся в своем гнезде страшно знаменитым. Накануне он принес букашку, прозванную в наших краях Колет Бабушка Дровишки. Никому из нас ни разу не удавалось поймать такую букашку. Мы слышали, что есть на свете такая букашка, и разные истории про нее слышали, но ее не то что поймать никому не удавалось, но даже и видеть ее никто не видел. А Пиук летал себе вдоль реки и вдруг видит — на дереве сидит Колет Бабушка Дровишки. Схватил он ее за шею и закричал: «Ура!» Ку Фу в это время стирал в реке свою куцую фуфайку, так он прибежал с мокрой фуфайкой и спрашивает, что случилось. Пешеход, Что Постоянно Насвистывает, тоже оказавшийся поблизости, побежал по мосту, чтоб посмотреть на Пиукову добычу, но споткнулся и шлепнулся в реку. Несмотря на это, он продолжал беззаботно насвистывать, а подойдя к Пиуку и Ку Фу поближе, зацелкал языком от удивления.

Колет Бабушка Дровишки пялится на воробьев, норovit вырваться, но Пиук крепко держит букашку двумя пальцами за шею. Именно так, держа пальцами за шею, он и привел ее к нам, чтоб мы все на нее посмотрели.

Кто-то вспомнил, что, по словам Мититакки, на Птичьей Ривьере был заведен такой порядок: если кто найдет что-нибудь редкое, тут же становится знаменитым, или если все прыгают на два метра, а ты прыгнул на три, тоже становишься знаменитым, или если пролетишь большое расстояние, и тогда становишься знаменитым. Потому, видимо, и Пиук сделался знаменитым.

— Ну уж и знаменитым! — заскромничал Пиук. — Что уж тут такого знаменитого — поймать самую обыкновенную Колет Бабушка Дровишки!

— Как «что тут знаменитого»? — отозвался Милостивый Государь. — Когда мы перелетели Дунай и остановились в Турну-Мэгуреле, воробиха Флорица спрашивала меня, случалось ли нам поймать Колет Бабушка Дровишки. Значит, даже там знают, что есть такая букашка, но видеть ее не видели. А мы вот — увидели! Конечно, милостивый государь, ты у нас теперь прославился!

Пиук лег спать простым воробьем, подобно всем нам, а наутро не успел потянуться в гнезде, как был уже знаменит. Мы как встали, все отправились по своим делам, а Пиук никуда не отправился, потому что стал знаменитым.

— Ох, нелегко! — говорит он нам из гнезда. — Как станешь знаменитым, просто не знаешь, за что раньше взяться!

И в самом деле — за что ему взяться? Ломаем мы головы, пытаемся что-нибудь ему подсказать, но ничего придумать не можем. Хорошо, Смрадовранка пришла на помощь. Как только она узнала, в чем дело, тут же объяснила, что Пиук должен начать раздавать автографы. Знаменитому человеку ничем другим заниматься не положено — только раздавать автографы. Даже если ему и не хочется, его со всех сторон будут одолевать и ни за что не позволят уйти, пока он не даст автограф.

— Тут и думать не о чем! — ораторствовала Смрадовранка. — Просто отправляешься путешествовать по свету и раздаешь автографы! О-о-о, была бы я знаменитой, о-о, как бы я раздавала автографы!

— Гм, знаменитой! — отозвался Милостивый Государь. — Легко сказать, но разве станешь знаменитым, когда у тебя всего один французский журнал 1903 года! Было бы, милостивый государь, хотя бы два журнала!

Пиук потягивается в своем гнезде, как заправская знаменитость, и готовится к тому, чтобы раздавать автографы.

— Где бы мне расписаться? — спрашивает.

— Распишись, — говорю, — на багаже Чира. Когда Чир полетит на Луну, он доставит туда и твой автограф. Тот, кто поймал Колет Бабушка Дровишки, заслуживает того, чтоб его автограф полетел на Луну.

Пиук послушался нас, слетал и расписался на багаже.

Потом он отправился в большой мир раздавать автографы и долго-долго не возвращался. Когда мы смотрели на поезд, проходивший недалеко от нашего дерева, мы видели на паровозе автограф Пиука. По шоссе мчались автобусы, машины самых разных марок, и должен вам сказать, что мы на всех видели автограф Пиука. А иной раз пройдет по дороге человек, и вдруг кто-нибудь из нас воскликнет:

— Смотрите, смотрите, у него на шанке автограф Пиука!

Смотрим — и правда на шанке у человека расписался Пиук.

Живем мы при дороге, и кто только по дороге этой не проходит, что только не проезжает! И что бы ни прошло и ни проехало, на всем — Пиукова роспись.

— Пусть расписывается! — говорим мы. — Не каждому удастся поймать букашку по имени Колет Бабушка Дровишки. А Пиуку удалось!

Одно только нам не пришлось: став знаменитым, Пиук совсем нас забыл. Видно, со всеми знаменитостями так бывает. Но наконец он вернулся к нам и рассказал, как он всюду раздавал автографы и что мир только об автографах и мечтает.

— Где какое пустое место увидишь, — говорит, — там и расписывайся, если только ты, конечно, знаменитый! Смотрю как-то — большая церковь, и у ней купол золотят, весь как есть золотом покрыли и спустились вниз. Вокруг народ толнится, все смотрят наверх, на купол, я тоже смотрю, смотрю и понял наконец, что народ хочет на куполе мою подпись увидеть. Ведь на позолоченном куполе только знаменитость может расписаться! Вспорхнул я, оглядел купол со всех сторон, сел и оставил автограф. Народ стоит внизу и кричит: «Браво, браво!», потому что

где уж народу поймать букашку по имени Колет Бабушка Дровишки!

Он и к памятникам летал, расписывался на память на саблях бронзовых воевод, в один большой город слетал и, чтоб его не обидеть, раздал автографы всем крышам. На аэродроме тоже расписался, на взлетной полосе и на самом самолете, хотя, говорит, шуму от этого самолета, шуму, и рычит, как зверь, — уши от его рыка заболели.

— Я и в зоологический сад ходил, — рассказывает дальше Пиук, — надо ж было и там свою знаменитую подпись оставить. Слоп страшно мне понравился, я на нем расписался, и он был очень доволен. Слоп — это такое большое животное, уши длинющие и нос два метра длиной. Когда я расписался, он стал от удовольствия качать носом и меня благодарить. Видно, первый раз в жизни автограф получил.

По словам Пиука, для многих его автограф оказался приятной неожиданностью.

— Особенно по воскресеньям, — рассказывает Пиук, — народ разоденется, все выступают важно-важно и смотрят, как бы платье не измять. Каждый надел, что поновей, и высматривает, не покажусь ли я откуда-нибудь и не поставлю ли свою подпись. А я не успеваю всюду расписаться, лишь кое-где успеваю автограф дать. Такой ажиотаж поднимается, особенно среди женщин. «Ах!» говорят и всем окружающим показывают мой автограф. А окружающие смотрят и лопаются от зависти. Я лично видел, как окружающие тут же кидаются стирать платочками мой автограф — от зависти, ясное дело, но мой автограф не так легко стереть!

Из слов Пиука мы поняли, что перед росписью воробья все на этом свете равны.

Теперь все мы бродим по окрестностям и ищем букашку по имени Колет Бабушка Дровишки, чтобы прославиться, как Пиук. А как прославимся, бросим наши теперешние занятия и отправимся в большой мир раздавать автографы. Но до тех пор только Пиук имеет право расписываться повсюду. Если вы когда-нибудь снимете шапку и увидите, что на шапке расписался воробей,

знайте, что это поработал Пиук, который прославился благодаря знаменитой букашке Колет Бабушка Дровишки. И пусть себе завистники ворчат: так, мол, каждый дурак может стать знаменитостью!

Видно, так уж устроено: где слава, там и зависть. Легко сидеть и ворчать от зависти, а ты попробуй найди букашку по имени Колет Бабушка Дровишки и схвати ее двумя пальцами за шею, тогда я спрошу тебя, станешь ли ты ворчать!

ЯСТРЕБ

Приближалась зима, с деревьев онадали листья, часто напоязал туман, а по утрам мы видели, что все вокруг покрыто густым инеем. В такие дни мы предпочитали город, и лишь немногие из нас отправлялись добывать пищу в поля. Однажды Чир, вернувшись из-за города, сказал нам, что нашел заброшенное гумно и что там для нас полно корму. Над приунывшими полями дул холодный ветер, деревья покачивали обнаженными ветвями, и нигде ни живой души, если не считать черных грачей, прилетевших с севера, чтобы перезимовать в наших краях.

Мы старались в это время избегать открытых мест еще и потому, что ястреб, в такую пору особенно свирепый, кидался на нас очертя голову, а нам трудно было от него укрыться, ведь листья терновника тоже уже лежали на земле. Кусты терновника — наше главное убежище; когда они покрыты листьями, в них ничего не видно, и стоит нам забиться в кусты, ястреб ни заметить нас не может, ни проникнуть в чащобу. Так что не только из-за холодов, но еще и из-за ястреба мы старались в пору поздней осени пореже вылетать в поля. Лучше уж быть голодными, но живыми.

Чир нас успокаивал: ястреба, мол, он нигде не видел, так что мы напрасно отказываемся от путешествия на гумно. Наконец мы согласились полететь вместе с ним. Куцая Фуфайка всю дорогу одергивал свою фуфайку, стараясь натянуть ее до пяток, но фуфайка по-прежнему едва доходила ему до поясицы. Тим-Тирим и Пиук напевали песенку: «Пиук, пиук, старый турок курит чубук!», а Милостивый Государь не переставая ворчал, что мы летим неправильно — не кучно и не *снисходительно* — и что напрасно он не остался в городе, в тепле, как это сделал второй племянник Фр.Т.Мититаки, которого все звали Гаврошем. Гаврош постоянно околачивался в городе, успел привыкнуть к городской жизни и говорил

обычно: «Какой мне смысл скитаться по полям и лесам и дичать, когда я могу прописаться в городе и тем самым окультуриться?» Поля и леса Гаврош называл останками древности, а город называл цивилизацией. Еще он нам говорил, что вычитал у одного очень умного француза, некоего господина Гюго, что, мол, у леса есть птичка, у города — мальчишка; птицу кличут воробьем, мальчишку — Гаврошем. Смрадовранка спросила его, где это он вычитал, а Гаврош ответил, что в «Отверженных». Она подумала и снова спросила:

— Кого ж там отвергают, уж не французов ли?

И Гаврош ответил:

— Да!

Он очень интересно окультуривался, уже целых два раза ходил в кино — тайком пробирался в дверь, но оба раза давали один и тот же фильм, поэтому третий раз он не пошел. К вечеру он отделялся от нашей стаи, садился на перила одного балкона и смотрел телевизор в чужом доме. Люди в этом доме, видно, жили хорошие, не прогоняли его с перил и позволяли смотреть передачи. Мы тоже раз слетали посмотреть, что это такое — телевидение, но нам совершенно не понравилось: один человек все время говорил и говорил и время от времени поднимал на нас глаза. Едва ли можно найти что-нибудь более скучное, чем телевидение, и я не перестаю удивляться людям, которые целыми часами сидят перед экраном и смотрят, как тот человек говорит. Люди вообще много говорят, мы ведь повсюду суем свой нос, так что волей-неволей нередко подслушиваем, и я постепенно пришел к выводу, что чем больше люди говорят, тем меньше понимают, о чем идет речь. Видно, слишком много слов у них в ходу.

Иногда мы бывали свидетелями того, как люди, не поняв друг друга, набрасываются один на другого с кулаками. Думаю, что причина здесь та же — избыток слов. У нас вот никогда до непонимания дело не дойдет, потому что мы обычно обходимся двумя словами: «Чик-чирик!» — вот и все, что ты хочешь сказать, и сосед всегда эти два слова тут же поймет. Лично я заметил, что люди со дня на день разговаривают все больше и больше,

и до чего они дойдут, представить себе невозможно! Они даже когда в машине сидят, клаксонами перекликаются, а если не наговорятся при встрече, так хватаются за телефон и опять говорят и говорят.

Из нашей стаи больше всего говорит, пожалуй что, Милостивый Государь, но он обычно бормочет себе под нос, то есть как бы сам с собой разговаривает. Что же до телефона, об этом и речи быть не может; ни один воробей никогда не станет говорить с другим воробьем по телефону! Воробью достаточно крикнуть: «Чик-чирик!» — и тут же слышишь, как другой воробей отзывается: «Жив! Жив!» Ну, раз мы живы, значит, все в порядке, а если мы и в самом деле найдем на заброшенном гумне немного корму, то жизнь и вовсе будет прекрасна!

Такие-то дела... Мы летели над полями к гумну, и Милостивый Государь все бормотал себе под нос: «Куда это ты несешься сломя голову, милостивый государь? Гумно — не пасекомое, из-под клюва не убежит! Лети-ка поспокойнее, более *снисходительно!*» Милостивый Государь был старый и опытный воробей. Призывая нас лететь *более снисходительно*, он, в сущности, хотел нам сказать, чтоб мы летели «более низко», потому что тогда хищнику труднее нас различить. А под хищником имелся в виду ястреб, который не раз камнем падал на нас с высоты или, откуда ни возьмись, накидывался на нашу стаю. Именно так он похитил у нас Ю.Тц., оставив нам от нее лишь перышки. Но не будем растревлять себе сердце печальными воспоминаниями!

На гумне действительно оказалось полным-полно корму. Чир летал вокруг нас задним ходом и все повторял: «Видите, сколько корму, а вы сомневались, есть ли корм!» На гумне мы застали Смрадовранку с ее бантами. Она сидела на краю гумна и сосредоточенно листала французский журнал 1903 года. Должен отметить, что французский журнал 1903 года так растрепался и распух, что уже невозможно было понять, где у него начало, где конец, где лицо, а где изнанка. Тем не менее Смрадовранка была полностью поглощена журналом, и мы единодушно решили, что в один прекрасный день она уйдет

в него с головой и исчезнет навсегда. Милостивый Государь тут же подсел к Смрадовранке поближе и завел с ней беседу. Она страсть как любила вести беседы.

Пока они беседовали, к нам прилетел Гаврош. В клюве он нес соломинку и похвастался, что нашел ее у Молочного бара. В поле было полно соломинок — и ячменных, и ржаных, и пшеничных, и каких хочешь, — и мы привлекли внимание Гавроша к этому очевидному факту, но Гаврош возразил нам, что это простая деревенская солома, а его соломинка — окультуренная, настоящая городская, достойная занять видное место в любом молочном баре или кондитерской. Он никак не хотел взять в толк, что его городская соломинка тоже выросла в поле, а в городе ее причесали, завернули в бумажку и в таком виде подносят человеку, чтоб он зажал ее в своем клюве и тянул через нее из стакана. Тут Смрадовранка, вмешавшись, объяснила нам, что у человека нет клюва, как у нас, поэтому ему трудно пить и приходится прибегать к помощи соломинки. Смрадовранка ужасно жеманничала и раздражала этим Милостивого Государя. Например, вместо «клюв» она всегда произносила «клюфф». Милостивый Государь непрерывно объяснял ей, что надо говорить «клюв», но она стояла на своем, утыкалась во французский журнал 1903 года и продолжала говорить «клюфф». Милостивый Государь прекращал спор и с глубоким вздохом произносил: «Бабу не переговоришь!»

Пока они спорили, а Гаврош, второй племянник Фр. Т. Мититаки, бахвалился своей городской соломинкой, откуда ни возьмись, появился ястреб.

— Ракаул! — вдруг закричал Ку Фу, одергивая свою куцую фуфайку. Китайский воробей еще не выучил как следует наш язык и не все слова умел произносить правильно. Вместо «караул!» он говорил «ракаул!». Обернувшись, мы с ужасом увидели, что на нас стремительно несется хищник.

Он пролетел над рекой.

По берегу реки шел человек с ружьем в руках, он тоже заметил хищника, прицелился и выстрелил. Оцепенев от страха, мы увидели, как ястреб дрогнул, наклонился,

ЯСТРЕБ

одно его крыло обвисло, и, пролетев по дуге, чтобы оказаться подальше от охотника, он резко снизился и упал в реку. Охотник пошел дальше своей дорогой, а мы все кинулись к реке.

Впереди летел Чир, повернувшись к нам лицом, а замыкали нашу стаю Смрадовранка и Милостивый Государь. Смрадовранка махала только одним крылом, потому что другим она прижимала к себе французский журнал 1903 года. Чир мчался вперед с такой скоростью, что на полном ходу проскочил реку и, только оказавшись над другим берегом, закричал:

— Вот он!

Он повернул к нам навстречу и первым опустился на берег реки. Мы все подлетели к нему почти одновременно, сели на берег, и что же мы увидели! На воде, недалеко от берега, держался ястреб с подбитым крылом. Он лежал в воде на одном боку и смотрел на нас одним своим желтым глазом, полным такой ненависти, будто это мы стреляли в него, а не охотник.

Ястреб весь встопорчился от злобы, глаз его угрожающе горел, хищник подумал, наверное, что мы явились мстить ему за нежную Ю.Тц. Такую бешеную ненависть я видел впервые в жизни. Пиук, напевавший все время: «Пиук, пиук, старый турок курит чубук», перестал петь. Умолк и Пешеход, Что Постоянно Пасвистывает. Только Смрадовранка крикнула ястребу:

— Вот и тебя бантом завязали, злодей!

Ястреб ничего не ответил Смрадовранке, только сильно шлепнул здоровым крылом по воде и окатил брызгами Смрадовранкины банты.

— Разрази тебя гром, всю меня забрызгал! — закричала Смрадовранка, а Милостивый Государь принялся ее успокаивать, объясняя, что от хищника ничего хорошего ждать не приходится.

Тим-Тирим спросил меня:

— Джифф, а ты не думаешь, что больше, чем кто-либо другой, имеешь право на мнение?

— Почему только Джифф? — отозвался Чир. — Мы все должны мстить! Разве только Джифф любил Ю.Тц.?

Милостивый Государь важно прошелся перед нами взад и вперед, откашлялся для пущей важности и произнес:

— Теперь вы поняли, ребятки, что жить лучше, чем умирать?

Ястреб, на протяжении всего нашего разговора смотревший на нас с ненавистью, забил одним крылом и заделался в воде. Он поднял целый фонтан брызг и окатил всех нас.

— Брызгайся, злодей, — сказала Смрадовранка, — все равно сейчас умрешь!

Ястреб ничего ей не ответил, лишь раскрыл клюв и что-то злобно прошипел. Но он уже никого не мог напугать, мы все понимали, что ему суждено умереть вот тут, в воде, у нас на глазах.

Мы сбились на берегу в кучку и примолкли, только Пешеход, Что Постоянно Насвистывает, посачивал посом. Никто из нас даже и не пытался отомстить ястребу за все зло, которое он нам причинил. Мы молчали, прижавшись друг к другу, и хотя желтый глаз ястреба смотрел на нас с ненавистью, в наших взглядах ненависти, пожалуй, не было. Наоборот, мы смиренно стояли на берегу и самым что ни на есть птичьим взглядом смотрели на последние мгновения жизни нашего врага. Но это продолжалось недолго.

На другом берегу реки росли тополя. И вот мы увидели, как из-за тополей показалась наша старая знакомая по жизни в лесу — сорока. Долетев до реки, она тут же заметила упавшего в воду ястреба. Она и не могла его не заметить, потому что сорока, когда летит, вертит головой во все стороны, словно она у нее на шарнире, и все вокруг осматривает. Заметив его, она издала такой громкий крик, что несколько воробьев из наших повалились на землю. Ястреб повернул голову, увидел сороку, и его желтый глаз еще сильнее запылал яростью.

— Наконец-то ты мне попался, подлая твоя душа! — вопила сорока. — Это ведь из-за тебя я строю не гнездо, а целый ангар в два этажа, с двумя входами, и все равно не могу своих птенцов от тебя уберечь!

Она принялась кружить над раненым ястребом, крича во все горло: «Кяа! Кяа!»

На ее крик отозвались с тоном другие сороки, мы увидели, как они взлетают над деревьями и устремляются прямо к сороке, кружащей над рекой. Еще на лету они узнали, кто упал в реку, и с отчаянными криками повалили на другой берег. Ястреб забил здоровым крылом по воде, вывернул голову, злобно зашипел на них, но сороки ни на миг не перестали осыпать его проклятьями, а потом, шумно посоветовавшись друг с другом, всей стаей поднялись над водой и всей стаей обрушились на ястреба.

Мы видели, как они первым делом нацелились на желтый глаз хищника и все до одной вонзили в глаз свои крепкие клювы; ослепший ястреб отбивался здоровым крылом, во все стороны полетели сорочьи перья, но сороки, не обращая на это внимания, продолжали бить своими крепкими клювами куда попало. Они подбирались и ко второму глазу ястреба, перевернули птицу на спину, и когда нацелились на второй глаз, мы все разом, безо всякого сигнала, в ужасе взмыли с берега реки, полетели вдоль берега и забились в голые ветви ближайшего дерева.

«Жи-ив! Жи-ив!» — кричали воробьи вразнобой, то есть каждый из воробьев сообщал остальным, что он жив. Содрогаясь от ужаса, смотрели мы, как сороки жестоко и хищно расправлялись с ястребом, как они разодрали его на части и от него осталась только горстка перьев — половину прибило к берегу, другую половину подхватила и понесла река.

Мы сидели совершенно подавленные — давно не охватывало нас такое уныние. Сороки покончили со своим делом, вытерли клювы о сухую траву на берегу и, в высшей степени довольные собой, полетели над рекой и тополями рассказывать другим сорокам и всему птичьему миру, как они растерзали ястреба.

А мы сидели на дереве, всё такие же подавленные, туман пополз над полями и над заброшенным гумном, но никому из нас не приходило в голову, что нам пора улетать. Потом Милостивый Государь, шевельнувшись на

ветке, сказал тихо, скорее себе самому, но так, что все его услышали:

— Эх, милостивый государь! Лучше быть живым с пустым желудком, чем умереть с набитым брюхом!

Тут подал голос и Гаврош:

— Чего же еще ждать от этих полей, кроме дикости! Если хочешь наслаждаться культурой, не высывай поса из города. Вдобавок ко всему я и соломинку свою потерял! — закончил он горестно.

Но мы все его отругали, теснее прижались друг к другу и замолчали. Ланки Врastoшпырку прижался к нам так кренко, что только одна ланка торчала у него вбок. Никому не хотелось сниматься с дерева, и мы сидели на нем, пока нас не окутал холодный осенний туман, потом отовсюду стали подступать серые сумерки, и мы в первый раз после наступления холодов заночевали в поле.

Не будет преувеличением сказать, что впервые у нас у всех было такое чувство, будто мы лишились крыльев. Одно лишь Что-то Такое безмятежно выглядывало из-за дамбы, безмятежно наблюдая за нами.

НАРИСОВАННЫЕ ВОРОБЫШКИ

Когда в лесу и в поле выпадает снег, трудно найти хоть какое-нибудь насекомое, а уж тем более встретить насекомое по имени Колет Бабушка Дровишки, поэтому мы потихоньку перебираемся поближе к человеческому жилью. Тим-Тирим полетел на железнодорожную станцию, устроился там на станционных часах и не пожелал летать с нами, потому что кто ж без него стал бы останавливать и снова отправлять поезда. Милостивый Государь пустился в путь со всем своим багажом, по дороге он постоянно отряхивался от снега и непрерывно бормотал:

— Ох и снегу навалило, милостивый государь! Славный урожай будет в этом году!

Чир летел задним ходом, а Пиук тут же сочинил новую песню: «Пиук-пиук, от мороза деревья стук-стук!» Пешеход, Что Постоянно Насвистывает, так глубоко проваливался в сугробы, что из снега торчали одни его уши. Чтобы не потерять его, нам приходилось возвращаться, вытаскивать его за уши из снега, и он независимо шагал дальше, независимо насвистывая. Смрадовранка совсем сбилась с ног со своими тысячью тремястами бантиками. Ку Фу по этому случаю сказал:

— Я в одной только куцей фуфайке еле-еле двигаюсь, а с тысячью тремястами бантиками нипочем бы не управился!

— Красота требует жертв, милостивый государь! — объяснил Милостивый Государь. — Ради красоты чего не сделаешь!

— Были б эти снежинки насекомыми! — чирикал Чику. — Вот бы мы наелись до отвала!

Где летом, где пешком добрались мы до одной деревеньки. Пиук был очень разочарован тем, что в этой деревеньке ему не на чем расписаться, но мы сказали ему, что сейчас не время разочаровываться, а надо искать укрытие. Поразведали мы окрестности и наконец остановили свой выбор на одном сеновале.

— Ну и пылица! — приговаривала Смрадовранка и подымала своими бантами новые клубы пыли.

Милостивый Государь без передышки чихал и без передышки, до самого позднего вечера, делал замечания.

В первую ночь нам было не слишком удобно, но все же мы кое-как переночевали и с утра пораньше были готовы приняться за работу. Снег уже не шел, весь двор был ровным и белым. Не помню, кому первому пришло в голову, что это самая подходящая пора для рисования. Пешеход с размаху шлепнулся в снег, и не успели мы оглянуться, как он парисовал пешехода.

— Молодец, милостивый государь! — похвалил его Милостивый Государь и спросил, кто еще хочет рисовать.

Вторым вызвался рисовать Куцяя Фуфайка. Он повертелся около сеновала, выбрал подходящее место и улегся в снег. Когда он встал, мы увидели, что в снегу отпечатался наш Ку Фу, ну совсем как живой, и куцяя фуфайка тоже отпечаталась, совсем как настоящая.

Тогда мы все слетели с сеновала во двор и наперегонки принялись за рисование. Кто нарисовал один крестик, кто два, а Смрадовранка как заладила — два крестика и бантик, два крестика и бантик... Толстопузик нарисовал полтора толстопузика. Запяташка усеял снег запяташками. Пиук стал барахтаться в снегу и нарисовал посреди двора воробья, который купается в снегу. Правда, догадаться, что нарисован именно воробей, купающийся в снегу, мог только человек с богатым воображением, но нам важно было рисовать воробьев, а не потрафлять тем, у кого воображения не хватает. Лапки Вростопырку тоже нарисовал автопортрет, но лапки его не уместились на рисунке и торчали вростопырку.

Разрисовав весь двор, мы отправились разрисовывать улицу.

— Молодцы, ребятки, вот так, вот так, милостивый государь! — подбадривал нас с сеновала Милостивый Государь. — А ну-ка, Джифф, нарисуй воробья возле колодца! Пусть каждый, кто пойдет за водой, так и ахнет от восхищения!

В это время появился Тим-Тирим, покинувший нена-

долго свою железнодорожную станцию. Он тоже воодушевился и принялся рисовать воробьев, но закончить работу не смог, потому что по ту сторону поля показался поезд. Тим-Тирим полетел на станцию, чтобы остановить поезд и потом снова его отправить, а мы посоветовали ему рисовать воробышков на станции. На станции тоже толчется народ, и кто ни пройдет, увидит его рисунки.

Должен признаться, мы все были в приподнятом настроении и обдумывали, как бы разукрасить все вокруг нашими рисунками. Да, по тут во двор вышла утка, оглядела, прищурившись, наши рисунки и тоже принялась рисовать. А что может нарисовать утка? Здесь отпечаток своей перепончатой лапы оставит, там отпечаток, потом постоит, полюбуется своими перепонками и давай печатать дальше. И не смотрит, где рисует, а прямо по нашему художеству шлепает — кучу наших рисунков уничтожила. Вслед за уткой появились куры и тоже принялись рисовать, но что может нарисовать курица? Милостивый Государь как только их ни урезонивал, но курице говори не говори — как об стенку горох! Идут и топчут наши рисунки, тискают свои рисунки и знай квохчут от удовольствия. Мало этого — еще и корова появилась, вся взъерошенная от холода. Как взмахнула копытом — и нету рисунка, взмахнула другим — двух нету, только кое-где виднеются еще наши крестики.

— Bravo, милостивый государь! — кричит Милостивый Государь корове. — Не умеешь рисовать сама, так хоть бы чужие рисунки не топтала!

Корова однако же на него и не глянула, знай машет своим коровьим хвостом и совершенно по-коровьи продолжает рисовать копыта.

Через несколько дней снова пошел снег, замел все рисунки, а мы сидим на своем сеновале и беседуем о белых волках. В наших местах появились белые волки, пришли они, по слухам, аж из Турну-Мэгуреле и пешком перешли по льду реку Дунай. Пиук, который в свое время вдоволь походил по свету, раздавая автографы, рассказал нам:

— Там морозы такие страшные, что не одни только волки, а все вокруг становится белым.

— А воробьи? — спрашивает Милостивый Государь.

— И воробьи от холода становятся белыми, — отвечает Пиук.

Милостивый Государь ничего больше не сказал, и лишь время от времени из груди его вырывался вздох: что-то подделывает сейчас бедняжка Флорица?

ЧИРИ

Один наш воробышек, Чири, переселился в деревню.

Зимой его защищала от стужи соломенная крыша хлева — Чири вырыл в ней пещерку, где совершенно не дуло, потому что, влезая, он плотно затыкал собой вход. Кормился он за куриным столом. Куры к зиме переоделись, сменили перья, ходили по двору взъерошенные, и редко случалось, чтоб какая-нибудь из них снесла яйцо. Зато уж если она сносила яйцо, то подымала страшный крик: забиралась на насест и громко оповещала всех кур с соседних дворов, потом садилась на ограду и оттуда тоже вопила благим матом; петух же тем временем искал место повыше, самым высоким казалась ему навозная куча, он взлетал на нее, навоз дымился — вот-вот загорится, но петух не обращал на это внимания, а ждал, когда курица, переводя дух, на минуту замолчит, и тогда кричал гортанным голосом, чтоб его услышали во всех дворах: «Верно, верно, мы только что снесли яйцо, это яйцо с моей метиной, я на нем свою подпись поставил. Да-да!»

Именно это время и использует воробей, чтоб подцепить из куриного корма крошку-другую. Петухи с соседних дворов поздравляют петуха на навозной куче, один говорит ему: «Ай да молодец!», другой — «Браво!», а наш петух красуется среди теплых испарений и бросает в ответ: «Да-да!»

Шума-то, шума из-за одного яйца — подумаешь, дело какое! Если б воробы каждый раз, закончив работу, поднимали шум, у них голосов бы не хватило, из пушки пришлось бы стрелять. Ведь воробей кончиком иглы способен вычистить, можно сказать, три гектара кожи. Вот вертится он во дворе, ищет заваливающие крошки и видит, что из дома выходит Илья, несет кожу, снятую со свиньи, и собирается растянуть ее на стене дома. Он приставляет к стене боковину с сеного веза, поднимается по ней, как по лесенке, забивает в стену гвозди, натягивает кожу,

переставляет боковину, снова забивает гвозди, снова натягивает кожу, потом натирает ее солью и отрубями, и когда спускается на землю, во двор входит его родственник.

— Ух ты! — говорит родственник. — Ну и кожа у тебя! Да в ней три гектара!

— Какой же ей еще быть, — отвечает Илия, — когда свинья у меня съела одних только тыкв семь повозок, а про кукурузу и все прочее я и не говорю!

Илия с родственником уходят в дом, а наш воробей прыг-прыг и... прямо под стреху — осмотреть новую свиновую кожу. Воробей каждый год чистит Илии его свиные кожи, а Илия взамен разрешает ему бесплатно жить в соломенной крыше хлева. Чири никогда не рядился, не говорил, что кожа, мол, очень уж велика и потребует большой работы. Вот и сейчас он своими ушами слышал, что новая кожа величиной в три гектара, однако не выразил ни малейшего недовольства, а тут же стал обходить ее и осматривать, проверяя, хорошо ли она натянута и равномерно ли натерта отрубями и солью. Осмотрев и одобрив кожу, Чири тут же принялся за работу.

На первый взгляд это кажется невозможным — одним только клювиком, который весь-то словно кончик иглы, очистить от соли, жира и отрубей целую свиновую кожу. Воробей работал уже два или три дня с утра до вечера и расчистил за это время один уголок размером с человеческую ладонь. Через три недели вся паховая часть кожи была очищена так, будто кто-то обработал ее наждаком.

Как-то раз около полудня на крышу опустился угод. Воробей стучал своим клювиком, стараясь при этом не свалиться с кожи, и был так увлечен, что не заметил удода. Тот попрыгал по крыше, пролетел над Чири, окликнул его, и тогда воробей наконец оставил работу и взлетел на крышу.

— На что тебе эта кабала, Чири? — сказал ему угод. — Так и будешь до конца жизни стучать клювом по коже, и все равно всю не почистишь. Брось, пошли со мной — как-нибудь да прокормимся. Я один только

МЫ СНЕСЛИ ЯЙЦО

ПЕТУХ

гребень свой в ход нущу, и то прокормлю и одену сотню таких воробьев, как ты!

И удод развернул свой складной хохолок, чтобы посмотреть, какое впечатление он произведет на воробья.

Удод, или цыганский петушок, как называют его в пароде, — птица-бродяжка, живет больше подающими, еле сводит концы с концами, худ до невозможности, однако страшно гордится своим складным хохолоком и всюду его демонстрирует. А воробью показать печего, все у него серенькое, незаметное, самое что ни на есть простое и скромное.

— Нет, с тобой мне никак нельзя, — сказал наш воробей. — Если я пойду с тобой, кто ж тогда Илия кожу почистит? — И, отвернувшись, снова принялся за свиную кожу.

— Ах, так! — сказал удод, расправил крылья и пошел дальше свой складной хохол.

Чири продолжал отбивать барабанную дробь по свиной коже.

Он каждую зиму спешил покончить с обработкой свиной кожи до того, как зацветет подснежник. Когда воробей кончал с чисткой кожи, Илия приставлял к стене боковину и вытаскивал гвозди. «Теперь я обую жену и ребятишек!» — говорил Илия, брал кожу, промерял ее, резал на полоски, делал постолы, и, когда его семейство отправлялось в гости, Чири видел, что все оно обуто в новые постолы. Впереди идет Илия, за ним Илииха, за ней маленькие илийчата, чуть не целая телега илийчат, и у всех на ногах новые, крепкие постолы из свиной кожи. Воробей наш спешит за ними босиком, где пешим ходом, а где летом, и душа его радуется... Ведь и его, воробьиная, заслуга в том, что все обуто в новенькие постолы.

Потому-то Чири и трудился над новой кожей с утра до вечера, зима в тот год случилась мягкая, и он боялся, как бы весеннее тепло не застало его врасплох. Дни прибавлялись, работать можно было допоздна, а в те ночи, когда светила луна, он работал и при лунном свете. Так проходил день за днем, неделя за неделей — и вот вся кожа вычищена. Илия прислонил к стене боковину, все

подробно осмотрел, одобрил работу Чири и снял кожу.

Однако на этот раз он не стал резать ее на полоски и постолы не стал делать, а отнес ее дубильщикам. Те выдубили кожу, покрасили, малость перерыжили, но, в общем, красивая получилась кожа. Потом Илия отдал кожу мастеру-скорняку в городе, и тот сделал ему большой портфель с двумя отделениями и блестящими застежками. Когда Илия прошелся с этим портфелем по деревне, все от зависти так и понадали, а один завистник сказал:

— Что-то у тебя портфель больно рыжий, Илия! Как лиса, рыжий!

Илия в ответ на его замечание и бровью не повел, подхватил Илииху вместе с илийчатами, пошел с ними в магазин, всем илийчатам купил мальчиковые ботинки, и Илиихе тоже купил мальчиковые, потому что у нее нога была маленькая, а себе купил полуботинки. Чири вертелся перед магазином, выглядывал, что там внутри делается, но видно было плохо, только Илиин портфель перед глазами мелькал.

И когда Илия вышел на улицу в новых полуботинках и с новым портфелем, а за ним — Илииха с илийчатами, все, как один, в мальчиковых ботинках, наш босой воробей весело припустил за ними. Где на одной ножке поскачет, где на двух, где и вспорхнет невысоко, и душа у него поет, радуется... Ведь и его, воробьиная, заслуга в том, что Илия с новым портфелем вышагивает.

КУКУШКА В ГНЕЗДЕ

Ранней весной птичья братия принялась за дело — кто латал старое гнездо, кто строил новое. Один лишь Милостивый Государь долго размышлял: строить ли ему новое гнездо или подремонтировать старое и перебиться в нем еще годок. После долгих колебаний он решил остаться в старом гнезде, хотя оно покосилось, точно турецкая черепица. Да и с ремонтом он возиться не стал, поскольку, по его расчетам, гнездо должно было служить ему еще сто лет. Гаврош познакомился возле Молочного бара с молоденькой воробьиной, привел ее к нам и сказал:

— Знакомьтесь, это Воробьюша или просто Бьюша!

Мы познакомились, Бьюша всем понравилась своей застенчивостью, лишь Милостивый Государь недовольно ворчал себе под нос, полагая, что у Бьюши слишком короткое платьице — почти как фуфайка Ку Фу. Китайский воробей тотчас принялся уговаривать Бьюшу не слишком расстраиваться от того, что у нее короткое платьице, — вот и у него фуфайка куца, но со временем она вырастет до самых пяток.

— О-о! — грустно сказала Бьюша. — Я бы этого не перенесла!

Мы страшно удивились, но Гаврош объяснил нам, что сейчас в моде короткие фуфайки, а не те длинные, до пят, жутко старомодные, какие носили наши деды и бабки. Они с Бьюшей насмотрелись на моды у Молочного бара, не зря же они торчат там целыми днями и наблюдают за тем, в какую сторону развивается мир. Мир, по утверждению Гавроша, развивается вперед, а не назад, как, по его мнению, полагали мы.

Гаврош с Бьюшей попытались было построить себе гнездо, Гаврош даже притащил два прутика и уложил их крест-накрест, но Бьюша тут же заскучала, на прутики смотрела меланхолическим взглядом, и от уныния, в которое она впала, платьице ее стало еще короче. Чтобы развеять ее печаль, Гаврош позвал ее к Молочному бару.

Прилетели они снова лишь через неделю, каждый нес под мышкой по окультуренной соломинке, и оба в один голос объявили стае, что никакого гнезда они строить не будут, потому что в наше цивилизованное время заниматься гнездом — это все равно что пятиться назад в старину.

— О-о! — печально сказала Бьюша.

Подхватив свои соломинки, они полетели обратно в город, к Молочному бару, а мы занялись делами.

«Ку-ку!.. Ку-ку!» — послышалось из леса, и Пешеход, что Постоянно Насвистывает, сообщил нам, что рано утром видел кукушку, и не одну — из Индии прилетело множество кукушек. В подтверждение его слов из леса донеслись и другие кукушечьи голоса. Мы тут же бросили работу и отправились в лес, чтобы разузнать, откуда вдруг взялось такое множество кукушек. Там мы увидели нашу старую знакомую — кукушку, которая в прошлом году перехитрила сороку и подложила свое яйцо ей в гнездо. Вместе с ней из Индии прилетело еще много кукушек. Сороки растревожились, принялись строить или чинить свои ангары на деревьях и сыпали проклятьями по адресу кукушек, называя их подлыми душами.

Следить за кукушками нам было легче легкого, потому что мы воробьи, а воробей за любым листочком спрячется. Мы следили за ними день за днем, как это делали, бывало, и раньше. Из их разговоров мы узнали, что они прилетели из самого что ни на есть факирского края — Индии и все до одной научились там самым хитрым факирским фокусам. Нам очень интересно было посмотреть на эти факирские фокусы. Когда сороки начали откладывать яйца, кукушки непрерывно кружили по лесу и перекликались, точно индийские факиры. Очень скоро мы поняли, что они хотят снести свои яйца в чужие гнезда и потому летают по всему лесу, пытаясь ввести сорок в заблуждение. Не проходило дня, чтоб кто-нибудь из нашей воробьиной братии не вернулся к вечеру домой и не сказал бы, что такая-то кукушка снесла яйцо в такое-то сорочье гнездо. День за днем мы слушали кукованье кукушек и постоянную брань сорок, кричавших кукушкам: «Подлая твоя душа!» Милостивый Государь смотрел

на сорочью суету довольно равнодушно и столь же равнодушно заключил:

— Сколько бы ты, милостивый государь, ни кричала и ни называла кукушку подлой душой, все равно она подбросит яйцо тебе под бок!

Кукушки покуковали и разлетелись по лесу, а сороки, совершенно успокоившись, продолжали насиживать яйца. Они сидели на яйцах три недели, а в конце третьей недели стали похвально друг перед другом, что уже слышат, как их детки пищат в яйце, а некоторые уже пробивают клювами твердую скорлупу. Когда сорочата вылупились, все до одного голенькие и страшненькие, сороки-мамы и сороки-папы из всех гнезд занялись добыванием пищи. Они вылетали на добычу по очереди, сменяя друг друга, ловили мелких насекомых и кормили сорочат. За неделю малыши приоделись и стали очень прожорливыми — целыми днями они пищали, требуя пищу. В это время мы заметили, что в каждом из гнезд широко разевает клюв похожий на сорочонка птенец, который, однако же, заметно крупнее остальных. Мы поняли, что эти обжоры — птенцы, вылупившиеся из кукушечьих яиц.

Прошло немного времени, и маленькие кукушата стали первыми встречать сорок и первыми жадно разевать клювы, так что им доставалась вся пища, что приносили в гнездо сороки. Сорочата, оставшиеся голодными, пищали целыми днями, и сороки, пытаясь всех накормить, стали вылетать из гнезда парами — если одна отправлялась к реке или к роднику за водой, то другая мчалась в деревню и норовила унести либо куриное яйцо, либо маленького цыпленка. Еще сороки обшаривали поля, вдоль и поперек обсматривали луга, выискивали гнезда куропаток и фазанов, перепелиные выводки, опустошали гнезда этих птиц и тащили все к себе домой, чтобы насытить ненасытных кукушат.

Я наблюдал за гнездом моей летошней знакомой — кроме кукушонка, в нем было еще пятеро сорочат. Прожорливый кукушонок до такой степени обнаглел, что стал сжирать всю добываемую сороками пищу, не оставляя сорочатам ни крошки. Сорока чесала в затылке, не по-

пимая, почему же это сорочата, хоть и съедают все без остатка, продолжают пищать, и без долгих размышлений снова отправлялась за добычей, уступая место сороке-папе, который приносил воду из родника или с реки. Однажды сорока, заглянув в гнездо, увидела, что один из сорочат лежит на дне, задрав лапки кверху.

Сорочонок лежал мертвый. Сорока не долго думая наклонилась, подхватила его клювом и выбросила из гнезда. Лиса, имевшая обыкновение прохаживаться под сорочьим гнездом, нашла под вечер мертвого сорочонка и съела его. Через два дня сорока-папа, принеся воды, обнаружил на дне гнезда сорочонка, лежавшего лапками вверх, и клювом выбросил его из гнезда. Прожорливый кукушонок располагался в гнезде все вольготнее, прижимая к краям мертвых или еще попискивающих сорочат. Лиса, проходя вечером под гнездом, съедала выброшенных птенцов.

Так оно и шло: голодные сорочата умирали один за другим и сороки день за днем выбрасывали их из гнезда. В просторном амбаре, или ангаре,— а сорочьи гнезда ведь именно такие — теперь нежился один захватчик-кукушонок. Ночью сорока-мама ложилась на него, растопырив крылья, потому что он был еще плохо одет и мог замерзнуть, а сорока-папа стоял на посту на верхушке дерева. И как ни гляну под вечер, так вижу: в каждом сорочьем гнезде сорока согревает захватчика-кукушонка, а сорока-папа торчит на верхушке дерева и следит за тем, чтоб не вынырнули, откуда ни возьмись, летучие индийские факиры и не стали бы показывать какой-нибудь хитроумный факирский фокус. А кукушки тем временем перебрались в затененные доли и все реже появлялись в сорочьей колонии.

Нельзя было, однако, не заметить, что раз в день через колонию все же пролетала кукушка, призывно выкликая: «Ку-ку! Ку-ку!» Она улетала и на другой день возвращалась снова, оглашая колонию своим призывом. Остальные кукушки помалкивали по долам. Сороки из своих гнезд посылали пролетающей кукушке самые страшные проклятья, а затем поднимались в воздух и летели за

пищей и водой, чтобы накормить хватчиков-кукушат. Впервые вся наша воробьиная стая наблюдала за тем, как усердно откармливает сорока убийцу своих детей. Ведь чуть присмотришь, и увидишь, что прожорливый кукушонок с первого же дня поедает пищу, предназначенную ее детям. Но сорока своим сорочьим умом не в силах этого понять, клюв у нее здоровенный и кричать она горазда, а умишко махонький, вот и не понимает сорока, что она в поте лица растит палача своих детей.

Бывает, при сильном ветре вынадет из гнезда воробышек, а другой воробей летит мимо, так он сразу видит, что птенец чужой, однако же из сострадания принимается прыгать вокруг, пытается засучив рукава ему помочь, подсадить, чтоб тот взлетел и ухватился за самую низкую веточку, а потом потихоньку забился поглубже в крону. Сорока же не в состоянии отличить своего от чужого, потому она и трудится до изнеможения, обшаривая округу, с риском для жизни проникая в крестьянские дворы, и, как последняя воровка, увлакивает любую пищу, лишь бы накормить прожорливого детоубийцу в своем гнезде.

В один прекрасный день, когда кукушата уже вымахали почти со своих усыновителей, в очередной раз показалась индийская факирна. Услышав ее призывный клич, кукушата все, как один, вылетели из сорочьих гнезд, пустили по-пахальному «ку-ку» прямо в лицо своим усыновителям и, стремглав кинувшись вслед прилетевшей из дола кукушке, исчезли в лесной чаще. Сороки — и папы, и мамы — от изумления лишились дара речи. Чир, который тоже наблюдал факирскую операцию, проведенную кукушками, сказал по этому поводу, что никому, мол, не дано знать, из какого яйца что может вылупиться.

— Посмотрите-ка на меня! — разглагольствовал он. — Все мы одной кладки, всех нас одна мать высидела, а только я один летаю задним ходом!

Этот наглядный урок, преподанный индийскими факирами, пробудил во всех нас жалость и сочувствие к сорокам, хоть они и глуповаты, и надоедливы, и болтливы.

— Бедные сороки, — говорили мы промеж себя, — с

одной стороны, они кажутся хищными и жестокими, особенно когда набрасываются на раненого ястреба и варварски выклеывают у него глаза, с другой стороны, они до того вороваты, что люди, уличая своих сородичей, говорят им, будто они вороваты, как сороки, а с третьей стороны, сколько жалости и сострадания просыпается в каждом птичьем сердце, когда видишь, как трудятся эти бедняги, выкармливая кукушонка, с какой самоотверженной любовью растят они убийцу своих детей!

Гаврош, второй племянник Фр.Т.Мититакки, так высказался по этому поводу:

— Поделом вам, раз вы забились в леса и ведете дикарский образ жизни. В лесах ни с чем и не встретишься, кроме как с дикостью и пережитками языческих времен. Прилетели бы вы в цивилизацию, поближе к Молочному бару, ничего подобного бы не увидели, а даже совсем наоборот!

— Это еще, милостивый государь, бабушка надвое сказала, — возразил ему Милостивый Государь. — Можно жить хоть в самом центре цивилизации и все-таки высиживать в своем гнезде кукушку!

СОДЕРЖАНИЕ

ЯЙЦО	5
ПО СЛЕДАМ НАСЕКОМОГО	12
КУЦАЯ ФУФАЙКА	18
ШКОЛЬНЫЙ ЗВОНОК	21
ТИМ-ТИРИМ	25
КОЛЛЕКЦИОНЕР	29
ИГРА В ВОРОБЫШКОВ	34
МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ	38
ПТИЧЬИ ПЕРЬЯ	43
ИМЕТЬ И НЕ ИМЕТЬ	45
РУЛЬ	50
ГРОЗА СНЕГОВИКОВ	55
ПЕШЕХОД, ЧТО ПОСТОЯННО НАСВИСТЫВАЕТ	59
МИТИТАКИ	68
СЛЕЖКУ ВЕДУТ ВОРОБЬИ	74
МИЛОСТИВЫЙ ГОСУДАРЬ ОТПРАВЛЯЕТСЯ ТУДА, КУДА ЯЗЫК ДОВОДИТ	80
ДАЛЬНИЙ ПЕРЕЛЕТ	84
О ПУГАЛАХ	91
АВТОГРАФЫ	95
ЯСТРЕБ	101
НАРИСОВАННЫЕ ВОРОБЫШКИ	110
ЧИРИ	115
КУКУШКА В ГНЕЗДЕ	120

Литературно-художественное издание

Для среднего возраста

Йордан Радичков

МЫ, ВОРОБЬШКИ

Рассказы

Ответственный редактор

В. В. Тихоненко

Художественный редактор

Е. М. Ларская

Технический редактор

Е. Н. Кудиярова

Корректоры

*Т. В. Беспалая,
Ю. И. Феликсова*

ИБ № 10030

Сдано в набор 28.08.87.

Подписано к печати 01.03.88.

Формат 84×108¹/₃₂.

Бум. кп.-жури. № 2.

Шрифт обыкновен. новый.

Печать высокая.

Усл. печ. л. 6,72. Усл. кр.-отт. 7,98.

Уч.-изд. л. 6,11. Тираж 100 000 экз.

Заказ № 6997. Цена 60 коп.

Орден Трудового
Красного Знамени
и Дружбы народов
издательство

«Детская литература»

Государственного

комитета РСФСР

по делам издательства,

полиграфии

и книжной торговли.

103720, Москва, Центр.

М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового

Красного Знамени

ПО «Детская книга»

Росглаволиграфиром

Государственного

комитета РСФСР

по делам издательств,

полиграфии

и книжной торговли.

127018, Москва.

Суцеевский вал, 49.

Издательство „Детская литература“

84
P
16

60 коп.

